

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ВИКТОР
ИУТИН

КРОВАВЫЙ
СКИПЕТР

Россия державная

Виктор ИУТИН

Кровавый скипетр

«ВЕЧЕ»

2019

Иутин В. А.

Кровавый скипетр / В. А. Иутин — «ВЕЧЕ», 2019 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-7980-9

Первая половина XVI века. В Москве подрастает сын великого князя Василия III – Иоанн. Но с кого будущему правителю брать пример? Москва, считающая себя Третьим Римом, больше похожа на Вавилон, где предательство, убийство и прелюбодеяние не в новинку. Боярство уподобилось зверям, грызущимся меж собою, но что поделать, если на зверей опирается государев трон. Ещё в малолетстве Иоанн слышал от няньки: «Чтобы тебя боялись, Ванюша, нужно быть сильным», и он понял: великая сила нужна, чтобы переменить устоявшийся порядок, когда «на боярах держится вся власть». Далека цель, тяжело бремя власти, и потому сетует Иоанн: «Опротивела душе моей жизнь моя. Чую, с детства около меня одни изменники! Алчные, корыстные, токмо о себе думают, как бы воспользоваться милостью моей в целях своих!»

ISBN 978-5-4484-7980-9

© Иутин В. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вступление. О героях романа	6
Часть первая. Великий князь	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	49
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виктор Александрович Иутин

Кровавый скипетр

© Иутин В.А., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Вступление. О героях романа

РЮРИКОВИЧИ

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ – великий князь Московский, царь
его сыновья: царевич Дмитрий, царевич Иван, царевич Федор
ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – князь Угличский, брат Ивана IV
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – князь Старицкий, дядя Ивана IV
его сын: ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – князь Старицкий, двоюродный брат Ивана IV

Прочие представители царской семьи:

ЕФРОСИНЯ АНДРЕЕВНА ХОВАНСКАЯ – мать старицкого князя Владимира
ИУЛИАНИЯ ДМИТРИЕВНА ПАЛЕЦКАЯ – жена угличского князя Юрия
ЕВДОКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА НАГАЯ – жена старицкого князя Владимира
АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА – двоюродная сестра Ивана IV, мать И.Ф. Мстиславского

Князья ГЛИНСКИЕ

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – великая княгиня, мать Ивана IV и Юрия Васильевича
ее братья: Юрий и Михаил – советники и опекуны Ивана IV
АННА ЯКШИЧ – их мать
МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ГЛИНСКИЙ – дядя Елены, советник и опекун Ивана IV

Князья ШУЙСКИЕ

Старшая ветвь:

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕМОЙ – воевода, глава думы, опекун Ивана IV
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ – глава думы, опекун Ивана IV
его сын: ПЕТР ИВАНОВИЧ – боярин, воевода

Младшая ветвь:

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ – опекун Ивана IV, воевода
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – глава думы, опекун Ивана IV
его сын: ИВАН АНДРЕЕВИЧ – воевода

Ветвь Горбатых-Шуйских:

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – глава Боярской думы, воевода

Ветвь Скопных-Шуйских:

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – боярин, советник угличского князя Юрия Васильевича

Князья БЕЛЬСКИЕ

Братья:

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ – глава думы, воевода, опекун Ивана IV
ИВАН ФЕДОРОВИЧ – глава думы, воевода
СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ – воевода (бежал в 1534-м)

ЗАХАРЬИНЫ

АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА – царица, супруга Ивана IV
ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ – боярин, воевода, советник царя
НИКИТА РОМАНОВИЧ – воевода, брат Д.Р. Захарьина
ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ – боярин, двоюродный брат Н.Р., Д.Р., А.Р. Захарьиных
их дядя:
ГРИГОРИЙ ЮРЬЕВИЧ – боярин, воевода

АДАШЕВЫ

ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ – придворный, боярин, воевода
его сыновья:
АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ – придворный, советник Ивана IV, воевода
ДАНИИЛ ФЕДОРОВИЧ – придворный, воевода

ВОРОТЫНСКИЕ

Братья:
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – воевода, глава думы
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – воевода

ДУХОВЕНСТВО

ИОАСАФ – митрополит (1539–1542)
МАКАРИЙ – митрополит (1542–1563)
СИЛЬВЕСТР – протопоп, советник и духовник Ивана IV
ФИЛИПП – игумен Соловецкого монастыря (он же Федор Колычев)
ГЕРМАН – архимандрит Старицкого Успенского монастыря
ИОВ – ученик и последователь Германа
ПАИСИЙ – игумен Соловецкого монастыря, ученик и последователь Филиппа
КОРНИЛИЙ – игумен Псково-Печерского монастыря
ВАССИАН (ТОПОРКОВ) – монах, советник великого князя Василия III
МАКСИМ ГРЕК – монах, переводчик греческих книг

БОЯРЕ, ВОЕВОДЫ

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ТЕЛЕПНЕВ – князь, воевода, советник и любовник Елены Глин-
ской
ИВАН ФЕДОРОВИЧ МСТИСЛАВСКИЙ – князь, глава думы, земский боярин
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ-БОЛЬШОЙ – боярин, воевода
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КУРБСКИЙ – князь, воевода, боярин
ПЕТР ИВАНОВИЧ ЩЕНЯТЕВ – князь, герой казанских походов и Ливонской войны
ИВАН ИВАНОВИЧ ПРОНСКИЙ – князь, воевода, боярин
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ПРОНСКИЙ-ШЕМЯКИН – князь, воевода, покоритель Астрахани
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХИЛКОВ – князь, воевода, герой казанских походов
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ РЕПНИН – князь, боярин, воевода, герой Ливонской войны

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ БАСМАНОВ – воевода, герой казанских походов
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ТЕМКИН-РОСТОВСКИЙ – князь, воевода, защитник Тулы

ПРОЧИЕ

ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ ВОРОНЦОВ – боярин, советник Ивана IV
ШАХ-АЛИ – касимовский и казанский хан, подданный Ивана IV
САФА-ГИРЕЙ – казанский хан, племянник Сахиб-Гирея
СЮЮМБИКЕ – жена казанских ханов Джан-Али, Сафа-Гирея, Шах-Али
САХИБ-ГИРЕЙ – крымский хан
ИСЛЯМ-ГИРЕЙ – крымский царевич, противник Сахиб-Гирея
ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ – крымский хан
ЮРИЙ РАДЗИВИЛЛ – канцлер великий литовский
ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ВИСКОВАТЫЙ – дьяк, глава Посольского приказа
ИОГАНН ФЮРСТЕНБЕРГ – ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии
ГОТХАРД КЕТЛЕР – коадьютор и ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии
ФИЛИПП ФОН БЕЛЛЬ – ландмаршал Тевтонского ордена в Ливонии
МИХАИЛ ГАРАБУРДА – дипломат, литовский посол

Часть первая. Великий князь

Глава 1

1525 год¹. Москва

Над шатрами башен Кремля тучею взмыла с криками стая галок. Рассвет морозного декабрьского утра осветил бледным золотом гордые главы величественных белокаменных соборов.

Старый конюх великого князя, покосившись на них, прошептал, сняв шапку:

– Господи Всемогуший, прости мя и помилуй!

Осенил себя крестным знаменем и вновь принялся запрягать сани. Благо успел вовремя, когда в сопровождении двух стражников и царского советника Поджогина вывели невысокую тучную женщину, опущенная голова ее была укрыта черным платом, словно носила она траур.

Москва только лишь просыпалась, и в это время, когда еще ни единой души не было на улочках города, великую княгиню Соломонию под стражей вывозили из дворца в Богородице-Рождественский монастырь, туда, где женщины навсегда отрекаются от мирской жизни, от богатств, от семьи и до конца дней служат лишь Богу. Но Соломония этого не хотела, и сейчас, когда закрытые сани должны были увозить ее в монастырь, она не верила, надеялась, что великий князь передумает, воротит обратно. Выглядывая в покрытое морозным узором оконце и кутаясь в бобровую шубу, с тоской думала, что Васенька, проживший с ней двадцать лет в браке, хотя бы выйдет повидаться с женой напоследок. Но он не вышел.

Василий Иоаннович через слюдяное окно великокняжеского терема наблюдал за уезжающими санями, сложив холеные руки на своем округлом животе. В недвижимом взоре его тоска. Но нет обратного пути! Ему нужен сын, наследник, тот, кому он сможет передать разросшуюся за последние полвека Московскую державу. И пока сына нет, великий князь запрещает своим братьям, удельным князьям, жениться, дабы сохранить порядок, установленный еще Дмитрием Донским, прапрадедом Василия – престол передается старшему сыну правителя, минуя остальных сыновей и их потомство – только так можно было не допустить вновь междоусобных войн, бушевавших еще со времен Владимира Святого. Потому нужно было развестись с Соломонией. Боярская дума поддержала великого князя, поддержал и верный митрополит Даниил.

Была еще одна не менее важная причина для развода – великий князь влюбился в другую. Ему надоела эта тучная, коренастая Соломония, в последние годы еще более расплывшаяся. Мечтою Василия, уже начавшей сбываться, была молодая, статная, зеленоглазая красавица Елена. Ее семья переехала в Москву пятнадцать лет назад: тогда отец, Василий Львович Глинский, бежал из Литвы на службу к великому князю Московскому.

Василий Иоаннович до сих пор помнил первую встречу с Еленой, когда он случайно увидел князя Глинского с детьми на прогулке. Василий был молод, крепок, зимою ездил верхом с распахнутой шубой. Он, сопровождаемый вооруженными дворянами, подъехал к своему новому подданному. Князь Глинский шел с двумя сыновьями и дочкой – все они покорно склонились перед возвышающимся в седле Василием. И пока великий князь беседовал с Глинским, из-за спины Василия Львовича выглядывала пятилетняя зеленоглазая девочка с рыжими косами, спадающими из-под лисьей шапки. Умилившись, великий князь подозвал ее. Несмело девочка приблизилась к нему, и Василий подарил ей небольшой кожаный кошель с серебряными деньгами.

¹ Отсюда и далее – все даты по новому стилю.

– Как звать тебя, красавица? – удерживая коня, спрашивал великий князь.

– Елена! – смело и звонко проговорила девочка, вскинув голову. Одной рукой она прикрывала глазенки от яркого зимнего солнца, другой прижимала к себе подаренный кошель. Василий и представить себе не мог, что спустя время эта самая девочка, повзрослев, пленит пожилого великого князя.

Поглаживая острую седеющую бородку, Василий в своих грешных мыслях уже представлял, как овладеет ею, когда женится на ней. Все уже готово к тому, и ныне удалена последняя преграда...

Соломония давно догадывалась о новом увлечении мужа, о том перешептывались ее ближние боярыни, а ныне, когда завели ее в одну из келий монастыря, где ждал митрополит, поверила всерьез. Осознала, что Василий уже не воротит ее, не передумает и Соломонии ныне уготована монашеская жизнь до конца дней. Келья была маленькой, невзрачной, больше похожей на темницу. Свет утреннего морозного солнца лучом пробивался сквозь маленькое оконце, находящееся едва ли не под самым потолком. Следом за Соломонией в келью вошли две монахини и поджарый, высокий дворянин Иван Поджогин, верный пес великого князя.

– Начинай, владыко! – молвил он, встав в дверях. В полузабытьи Соломония опустила на колени. Уже донеслась до ее слуха молитва митрополита, уже узрела ножницы и монашеский куколь в руках монахинь. Не выдержала, выпустив истошный крик из самой груди. Монахини и митрополит даже невольно отступили назад.

– Молю, владыко! Не надо! Не могу! Не могу принять я сей постриг! – рыдала истошно Соломония. Пухлые щеки ее, залитые слезами, покрылись пунцовыми пятнами. В отчаянии она бросилась к Поджогину:

– Скажите Василию! Скажите, что согласна на все, только не в монастырь! Отвезите меня к нему!

– Покорись воле князя великого! – настаивал твердо и холодно Поджогин. Осознав, что спасения не будет и никто не сжалится – ни митрополит, ни строгий Поджогин, Соломония закричала пуще прежнего, в забытьи бросилась к монахиням, вырвала из их рук куколь, бросила на пол, начала с ненавистью топтать.

– Нет! Он не мог! Не мог!

Короткий и резкий свист разрезал воздух, и Соломония, когда разом ожгло спину и плечо, рухнула на пол, успев лишь подставить руки. Позади нее с плетью в руке стоял Поджогин.

– Дерзишь противиться воле государевой? Покорись, Соломония!

Поняла, что все кончено. Уже молча приняла постриг и новое имя – София. Дала обрезать волосы, помогла монахиням одеть себя в черные одежды. И лишь потом, оставшись одна, закрыв глаза и стиснув зубы, процедила гневно и сдавленно:

– Проклинаю! Проклинаю их всех. Его, и всех, кто родится от него, от детей его... Проклинаю!

Знала бы инокиня София, какой страшной бедой обернулось ее проклятие не только для угасавшей уже династии Рюрика, но и для всего русского народа...

А Василий Иоаннович спешил овладеть юной литвинкой. Уже в январе была устроена свадьба, и эта красавица с пронзающим взглядом холодных зеленых глаз поразила гостей. И все же ощущалось в ней что-то иное, иноземное, чуждое русскому человеку.

Годы Елена не могла забеременеть. Василий отчаивался, время шло, он старел, а наследника все не было. Но он слишком любил молодую жену, чтобы позволить себе и ее упрятать в монастырь. В отчаянии думал о проклятии – ведь многие духовные деятели и придворные были против этого брака с дочерью литовского перебежчика. Невольно Василий думал о Соломонии – может, так Господь наказывает его за великий грех? И, плача от бессилия и обиды, великий князь молился, бившись о пол пред иконами:

– Мудрый ангеле и светлый, просвети ми мрачную мою душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе! Дай, Боже, мне сына!

Господь сжалился над московским правителем – спустя четыре года брака, в конце 1529 года, Елена поняла, что носит ребенка...

Двадцать пятого августа 1530 года тишину великокняжеского терема пронзил детский плач. Елена мужественно перенесла роды, терпела боль, стиснув зубы, и наконец извлекла из себя наследника московского стола. Ворвавшемуся в горницу великому князю объявили, что родился сын. Уже видел он крохотную головенку новорожденного, коего укутывали в белые простыни. Василий со слезами счастья бросился к изможденной Елене, прижался губами к ее вспотевшему лбу.

– Господь услышал меня! – прошептал он и перекрестился.

Уже через девять дней младенца с именем Иоанн крестили в Троице-Сергиевой лавре. Ярко горели свечи, придворные и родичи толпились на почтительном расстоянии от игумена Иоасафа, совершающего крещение, и великого князя, держащего на руках сына. Младенец удивленно озирался выпуклыми глазками, тянулся крохотной ручонкой к отцовской бороде. Василий Иоаннович поднес сына ко гробу преподобного Сергия Радонежского, сказав:

– Ныне сие твой хранитель! Да пребудет он с тобою...

Легонько взяв младенца за головку, прислонил его лбом к раке святого...

* * *

С первых дней жизни новорожденный был окружен заботой. Заботой отца, ежедневно спрашивающего о здоровье малыша, заботой матери и няньки Аграфены, чьи сказки и колыбельные были первым, что услышал и полюбил маленький Иоанн. Елена вскоре вновь забеременела и уже не могла уделять сыну много внимания. И крайне редко к нему навещался большой и полноватый мужчина с пепельной бородой – отдаленно мальчик понимал, что это был отец.

Ничего не запомнил Иоанн о нем. Помнил спустя годы лишь его измученное худое и бледное лицо, уставший, безучастный ко всему взгляд. Помнил рыдающую у ложа мать, кою силились вывести из покоев. Помнил смрад от гноящегося нарыва на теле отца, помнил, как приподняли великого князя на подушках по его просьбе, когда Иоанна мамка Аграфена подвела за руку к одру великого князя. С усилием князь Василий вознес руку и перекрестил сына, прошептав молитву, а затем поднял мутный, угасающий, но все еще тяжелый взгляд властителя Московского княжества на толпившихся поодаль опекунов, назначенных им самим, и проговорил с усилием:

– Ни пяди не отступать от ребенка! Не сметь...

Иоанна, еще ничего не понимавшего, отвели, следом поднесли новорожденного брата его – Юрия. Василий перекрестил и его, а после, обессиленный, рухнул в подушки. Уходя, Иоанн испуганно и мимолетно посмотрел на бородатых, раздетых своих опекунов – ближайших придворных умирающего великого князя, представителей видных семей. Они тоже провожали мальчика полными безразличия взглядами, от которых Иоанну стало не по себе, но он почувствовал теплую руку Аграфены на своей головенке и совсем успокоился, когда услышал:

– Пойдем, дитятко мое, светик мой...

Аграфена плакала, жалея и умирающего великого князя, и двух совсем юных мальчиков, в столь раннем возрасте остававшихся сиротами. Но рядом с ней Ваня ощущал себя в безопасности, не ведая еще, какая уготована ему в ближайшем времени роль.

– А ласкажи сказку! – улыбаясь, попросил мальчик.

В это же время великий князь Василий умер. Над телом его назначенные им опекуны сына уже обсуждали меж собой, как будут делить власть. А тем временем ни о чем не подозре-

вавший трехлетний властитель Великого княжества Московского, засыпая, дослушивал сказку своей няньки...

Отец оставил младенцу-сыну трудное наследство. С востока огибают страну осколки великой Золотой Орды – Крымское и Казанское ханство, за ними Астрахань и Ногайская орда. И все они, заклятые враги Руси, поддерживаемые турецким султаном, ежегодно совершают набеги на ее земли. Все еще несут арканы за седлами татарских коней несчастных пленников, которым суждено сгинуть на невольничьих рынках Кафы, все еще горят деревни и гибнут люди. Дикая, суровая, бескрайняя Сибирь под властью татар-кочевников. Несмотря на то, что все эти враги русского народа изнутри ослаблены постоянной борьбой за власть, они не могут допустить, дабы появилась Россия, единая и сильная, ибо в этом уже видят свой конец, хотя трехсотлетнее иго татарское пало лишь полвека назад.

С западной стороны на Карелию и Прибалтику, необходимые русским, претендуют шведы. Ливонский орден, некогда грозный, но теперь жалкий и слабый, владеет Юрьевом-городом, основанным Ярославом Мудрым, и контролирует выход к Балтийскому морю, едва ли не единственный возможный торговый путь России с Европой. Помимо того ливонцы активно притесняют православных на своей территории.

Под властью Великого княжества Литовского находятся еще многие города, отобранные у русских княжеств в период междоусобиц, когда едва ли они могли восстановиться после татарских ратей. Полоцк, Орша, Туров, Киев, Черкассы – эти города еще предстояло вернуть! И отец, и дед понемногу отвоевывали утерянное, но до конца борьбы было еще далеко!

Кроме внешних врагов у юного великого князя хватало и внутренних. Древние и сильные Новгород и Псков хоть и присоединены к Московскому княжеству, но помнят еще унижение и кровь дедов, потому верности в них нет.

Виднейшие и наиболее знатные бояре, порой не самые дельные, заседают в думе, и без их одобрения великий князь не смеет принять то или иное решение. Алчные и глупые, часто действующие в своих интересах, не дают более достойным и дельным политикам быть у кормила власти, ибо негоже быть ниже того, кто менее знатен! Потому среди бояр процветает местничество. Чьи предки более родовитые и прославившиеся в прошлых веках, тот в первых местах думы, тот водит Большой полк, имея под своим началом огромное войско. И бояре эти, потомки покоренных Москвой удельных князей, не привыкли всецело признавать одного державного правителя, каждый норовил урвать для себя кусок пожирнее и никому не подчиняться. Слаба власть! То один, то другой намерен уйти в Литву, и порой не токмо со своим двором, но и наделами.

Таким досталось государство юному Иоанну! Как горевал о том на смертном одре великий князь Василий, что не успел многого, что отдает маленькому сыну рыхлую державу, кою еще нужно сохранить, поднять, расширить! Возможен ли?

Это были темные века холопства и всеобщего невежества. Среди населения лишь малая доля образованных людей. Народ, сохраняя языческие обычаи и традиции, во всем слепо полагается на Бога, Церковь и великого князя. Сосновая лучина и сальные свечи разгоняют мрак в скудно обставленных посадских домах с почерневшими от печного дыма стенами и потолками. Мутный утренний свет льется через окно, затянутое бычьим пузырем. В переднем углу скромно стоят деревянные доски с изображением святых – перед такими иконами молится посадский человек. Вымаливал москвич тогда Божью милость, но без страха, как это было в старину, в прошлых веках, когда приходили сюда и татары, и литва. Сыты – и слава богу!

Так же молится в своих хоробах боярин: в красном углу светлой горницы хранились иконы – в драгоценных окладах, украшенных камнями или обитых бархатом. Лики образов тускло освещены лампадами и свечами. Тут стоит вся семья боярина, молится, широко крестясь.

– Молвят, государь ныне примет крымских послов. Еще едва говорит, а уже на великокняжеском столе! – говорили с усмешкой меж собой члены боярской семьи, садясь за трапезу, – лучше бы князь Юрий Дмитровский, брат Василия Иоанновича, государем стал, покойнее было б! Истинно, лествичное право древнее было мудрее, когда от старшего брата к младшему стол переходил!

А тем временем маленький Иоанн принимал послов крымского хана. Одетый в шитый золотом детский кафтан, мальчик шагал мимо кланявшихся ему придворных, столпившихся в палате. За руку к высокому креслу отца, стоявшему по центру на возвышении, вел его один из опекунов, боярин Василий Васильевич Шуйский.

Шуйские – потомки Рюриковичей, суздальских и нижегородских князей, очень знатные и властолюбивые. Предки их много зла совершили для Москвы и Русской земли, а московскому князю подчиняются лишь недавно, но занимают ведущие места в думе. Этот пожилой боярин, прозванный Немым за свою немногословность, возглавлял род Шуйских и был в те дни одним из руководителей страны.

Ныне дума князя была тяжела и тревожна – троюродный брат его, Андрей Михайлович, как донесли, хотел отъехать к дмитровскому князю Юрию. Однажды он уже хотел это сделать, за что великим князем Василием был заключен в темницу. И едва был помилован, вновь решился отъехать! Ему при раскрытии сего заговора грозила темница, и он рисковал утянуть за собой весь род Шуйских. Не бывать тому! Хитрый и старый боярин уже обдумал, как спасти опрометчивого родича и всю семью...

Иоанн, держась крохотной ручонкой за палец боярина, перебирая обутыми в маленькие червленые сапожки ногами, приближался к трону отца. Зачем его ведут к этому высокому резному креслу – мальчик не совсем понимал, но послушно делал все, что ему указывал боярин. Мальчику кланяются все, мимо кого он проходит. Ему – малышу с пухлыми розовыми щечками и каштановыми кудрями, вьющимися из-под шапочки, отороченной беличьей шкурой.

Подшли к трону. В гулкой тишине Василий Немой взял Иоанна на руки и усадил на высокую пуховую подушку, возложенную на троне. Тогда к нему подпустили двух чудно одетых мужей с черными узкими глазами. Они кланялись удивленно рассматривающему их малышу и произносили долгую речь о том, что их правитель выражает добрую волю новому московскому правителю. Вместо мальчика им отвечал Василий Немой, стоявший по правую сторону от трона, а Иоанн молча сидел на протяжении всего приема, ждал, когда ему позволят уйти к маме. Длительный прием утомил мальчика, и он, как безвольная кукла, восседающая на троне, усиленно боролся со сном.

И вот, после передачи даров, послов пригласили к застолью. Василий Немой, помогая мальчику слезть с трона, сказал гостям:

– Государя не будет за общим столом, он еще ест у матери, сам на застольях не бывает, – и, уведя его из палаты, передал в руки слуг и Аграфены, которая тут же запричитала:

– Притомился, соколик мой! Ничего, сейчас тыковки сладкой отведаешь.

Елена носила черное тогда. И едва малыша ввели к ней в покои, бросилась к сыну, будто не видела его целую вечность.

– Матунька, там чудные гости к нам приехали! Матунька, а они хорошие?

– Нет, сынок, они плохие, но дурного нам не сделают, ибо боятся тебя, – говорила Елена, и слезы почему-то наворачивались на ее уставших красных глазах. Лишь когда она смотрела на сына, пропадал ее каменный, властный взгляд. Аграфена стягивала с мальчика нарядные одежды, Елена сняла с него шапку, заботливо расправила спутавшиеся под головным убором кудри.

– Меня боятся? А тату они боялись? А сильно боялись? – восторженно и гордо вопрошал Иоанн.

– Сильно. И тебя должны бояться, сынок! – глядя ему в глаза, твердо отвечала Елена.

– А чтобы тебя боялись, Ванюша, нужно быть сильным. А чтобы быть сильным, нужно кушать! – приговаривала Аграфена, накрывая низкий небольшой столик для любимого воспитанника.

Когда сын поел и лег спать, Елена оправила вдовый плат, утерла глаза, подошла к образам, нервно и быстро помолилась. Предстояла тайная встреча с опекунами, кою назначил Василий Немой.

Глава 2

Сильнейшие бояре Москвы, опекуны государевы, обступили кресло, в котором восседала Елена. И стоят они, разодетые в бархатные и парчовые кафтаны, украшенные золотым и серебряным шитьем, на головах их отороченные соболями шапки. Елена глядит на резные посохи в руках некоторых бояр, на их дорогие перстни и невольно вспоминает слова матушки, сказанные ей давным-давно – на боярах держится вся власть!

Они ненавидят Елену, иноземку, ненавидят ее сыновей, но без вдовы великого князя и Иоанна не видать им власти, ибо знают, что эту самую власть у них может отобрать младший брат покойного Василия Иоанновича, дмитровский князь Юрий. Этого допустить нельзя, и потому опекуны решили устранить его раньше, чем он опомнится. Более всех на этом настаивал Василий Немой, и никто не догадывался о том, что делал он это, дабы спасти своего родственника – Андрея Шуйского.

– Ежели хочешь мир сохранить и жизнь сына своего – возьми князя Юрия под стражу! – твердо и холодно наказывали ей бояре. – Опасен он для великого князя...

– Уже призывает он людей на службу к себе вопреки крестоцелованию в верности великому князю!

– Просим тебя о том токмо согласно клятве нашей хранить тебя и младенца-князя!

– Пока не удалился он в свой удел, пока Юрий в Москве и не собрал верное ему войско... Иначе не избежать мятежа...

Елена держалась твердо, но по необходимости изображала великую скорбь и слабость. Она затеяла свою игру, и в том был у нее верный помощник, тайно посещавший ее покои по ночам. И этот советник говорил Елене, что от Юрия нужно избавиться, а после можно отстранить и остальных опекунов. Он уже понемногу влиял на положение дел в государстве, но имени его пока еще никто не знал.

– Видите вы мою горечь! Дозволено вам сохранять государство и сына моего, так вершите же дело праведное именем великого князя! – промолвила она, крестясь и смахивая лживые слезы.

Лазутчики делали свое дело, и Юрий Дмитровский быстро узнал о том, что ему угрожает опасность. В маленькой горнице он сидел со своими ближними боярами, слушал.

– Обвиняют тебя, княже, мол, ты людей зовешь на службу, отвергнув клятву верности. Клеветою хотят очернить тебя!

– Уезжай в Дмитров, Юрий Иоаннович, оставь Москву! Там никто не посмеет причинить тебе зла! Здесь же, в Москве, все желают тебе токмо смерти! Уедем же, соберем войско и будем готовы!

– Ежели прикажешь, головы своей не пожалеем, поможем тебе войну за московский стол начать!

Князь Юрий, разительно похожий внешне на своего старшего брата, в отличие от него был нерешительным и менее властолюбивым. Однажды, по молодости и глупости, хотел ополчиться против Василия и уйти в Литву. Благо все обошлось тогда, и благо брат сохранил ему жизнь...

Без ответа отпустил он своих бояр и остался сидеть в кресле один, поглощенный глубокой думой. В углах горницы свечи и лампы подсвечивали лики на образах, и святые глядели на князя, прямо ему в глаза. Отчего-то ком встал в горле...

Он вспоминал отца, великого князя Ивана Третьего, Великого, собирателя русских земель, сбросившего оковы татарского ига. Справедливо его именовали царем, когда сумел он наконец подчинить древний Новгород, Тверское, Ростовское, Ярославское княжества. Он

дал понять, что объединение земель под властью Москвы и единого самодержца неизбежно, и покойный Василий уже отцовскими налаженными путями подчинил Псков и Рязань...

Новый Кремль из красного кирпича стал символом твердости и величия московской власти. Мало кто помнил прежние белокаменные стены, строенные еще в позапрошлом веке, выдержавшие не одну осаду, не один пожар. Кремль был нагроможден тогда темными бревенчатыми хоромами, и над всем этим возвышались единственные каменные сооружения внутри Кремля – три храма, выстроенные еще Иваном Калитой...² Отец отстроил Кремль заново. Взвились вверх шатры могучих кирпичных башен, уродливые нагромождения деревянных хором снесены, а итальянские мастера перестроили Успенский и Архангельский соборы, с тех пор сочетавшие в себе архитектуру древней Владимирской Руси и европейского Возрождения. Отец обустроивал и расширял Москву, и под началом его она неотвратимо становилась центром будущей России. И уже не за горами Московское царство, во тьму веков навсегда уходила эпоха кровавых междоусобиц, татарского ига, разрозненного, расчлененного государства...

И ради всего этого отец не пожалел и своих родных братьев. Вспомнил Юрий, как Иван Великий бросил в темницу младшего брата, Андрея, и его сыновей и отвечал митрополиту, пришедшему вступить за них:

– Жаль мне очень брата, но освободить его не могу, ибо не раз замышлял он на меня зло; когда я умру, то он будет искать великого княжения подо внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленять и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар...

Тогда Иван Великий вступался за Дмитрия, внука от старшего сына, Ивана, рано умершего. Дмитрий в обход Василия был объявлен наследником московского стола, но затем отец раздумал отдавать власть ребенку, и Василий, став великим князем, не пощадил малолетнего племянника, сгноил в темнице. Только так великие князья сохраняли единство державы, ибо все помнили еще, как дед, Василий Темный, воевал долго за Москву: сначала с дядей, а затем с его сыном, коим был даже ослеплен. Во имя сохранения мира на Русской земле оставшиеся князья Рюриковичи истребляли друг друга...

Юрий помнил и знал все это, и теперь, когда в памяти его отчетливо возникли образы прошлого, он твердо решил, что первым не начнет мятеж. Но участь его была предрешена.

За окном послышался какой-то шум, крики, с десятков человек осветили пламенниками двор. Лаяли собаки, звучала ругань, звон выхваченных из ножен сабель – на пути незваных гостей встала княжеская стража. Не мешкая, Юрий Иоаннович, дабы не допустить резни, выскочил во двор, в холод, без шубы, и все тут же замерли, поглядев на него. Огни трещали на морозе. Князь безмолвно обводил всех тяжелым взглядом, уже все понимая. Рука по привычке хотела лечь на рукоять сабли, но у пояса ее не оказалось – князь ранее отцепил оружие.

Из замершей толпы, над коей стояли густые облака пара, вышел богато одетый, высокий и статный князь Иван Телепнев, в последнее время часто бывавший подле покойного Василия. Он был близок великокняжеской семье, его сестра Аграфена даже назначена нянькой маленького Иоанна. Глядя Юрию прямо в глаза, Телепнев молвил, скривив рот не то в усмешке, не то в растерянности:

– Именем великого князя Иоанна Васильевича приказано схватить тебя за крамолу и измену крестоцелованию и своему государю! Вели людям своим сложить оружие.

Бояре и стража в ожидании глядели на своего князя, а он, помолчав мгновение, отвечал твердо:

² Иван I Калита – родоначальник московской ветви Рюриковичей, великий князь (1328–1340), внук Александра Невского.

– Я приехал в Москву закрыть глаза государю-брату и клялся в верности моему племяннику, не преступал целования крестного, не преступлю и теперь! Посему готов умереть в своей правде...

Телепнев кивнул пришедшим с ним воинам, и те, окружив князя, стали уводить его. Так он и шагал, опутив голову, по скрипучему снегу, раздетый, не чувствуя уже ни холода, ни страха. Юрия посадили в сани, и он, широко перекрестившись, оглянулся туда, где вдали, во тьме проступали купола величественных отцовых соборов, и проговорил едва слышно – так, будто согласно воле покойных отца и брата понес свой крест:

– Всецело в руках я твоих, Господи...

* * *

Впервые за много времени братья Бельские увиделись в родовом тихом имении. И печально, что поводом для встречи послужила смерть их матери. Младший, любимый сын Семушка не успел отправиться из Коломны на ее похороны и сейчас прибыл домой опустошенный и разбитый, но еще не до конца веря в случившееся. Он медленно, будто под невидимым грузом, слез с коня и с тоской поглядел на родительский терем, где прошло его детство, и, дабы не заплакать при братьях, умылся снегом...

Слуги уже принимали и уводили коней, приглашали прибывших с Семеном ратников в отдельную горницу, где им накрывали стол. Семен же направился в светлицу, где его ждали братья.

Бельские – знатный княжеский род, потомки литовского князя Гедимина, а бабка Семена была родной сестрой Ивана Великого. Семен был младшим сыном Федора Бельского, литовского князя, бежавшего на службу к московским государям. Иван Третий оказал ему великую честь, женив Федора Ивановича на своей племяннице, дочери рязанского князя. И она, Анна Васильевна Рязанская, родила мужу трех сыновей – Дмитрия, Ивана и Семена.

Дмитрий после ранней смерти отца стал доверенным лицом великого князя Василия и однажды ездил сажать на казанский престол московского ставленника, юного касимовского царевича Шах-Али. Затем из года в год водил полки и однажды даже был главным воеводой при нашествии крымского хана. Как бесславно было проиграно сражение! Дмитрий никогда не был хорошим полководцем, и лишь знатность рода его обязывала стоять во главе ратей. И потому даже после этого позора он продолжал водить полки, принимать иностранных послов, сидеть в думе на первых местах и сейчас также был опекуном малолетнего великого князя.

Второй сын князя Бельского, Иван, также водил полки, заседал в думе и входил в верховный совет при государе. Он тоже показал себя слабым военачальником – десять лет назад уморил болезнями и голодом все воинство, что вел на Казань. Чудо и заступничество митрополита и бояр спасло Ивана от заслуженного наказания. Не везло покойному великому князю с воеводами!

Семен же все это время оставался лишь тенью своих успешных братьев. Они в думе, у кормила власти, а Семен – по городам с малым количеством ратников, сидит там, где ему укажут, в управлении государством не участвует. Оттого избегал он частых встреч с братьями – что-то мешало чувствовать себя в их кругу уютно и душевно. Может, стыд? Злость? Он младший, он последний в роду, и это угнетало с самого детства, а с годами злило все больше.

Дмитрий в одной рубахе, крепкий, еще более раздобревший в последние годы, радостно встретил брата в светлице, куда слуги, едва не сталкиваясь друг с другом, несли угощения. Тут и птица жареная на подносах, и щи с солониной, и засоленные овощи, и пироги – все то, что братья Бельские привыкли видеть на столе с самого детства.

Дмитрий облобызал Семена, едва не расцарапав ему лицо своей короткой жесткой бородой, прижал к себе своими крепкими руками, даже было всхлипнул, но сумел сдержаться. За

ним вышла его супруга Марфа с тремя детишками – шестилетним сыном Ванятой, пятилетней дочерью Анастасией и трехлетней Евдокией. Семен расцеловал каждого из племянников, а улыбающегося Ваняту потрепал по светлой вихрастой голове, от чего мальчик залился довольным смехом. После приветствия Марфа ушла и увела детей, оставив мужчин наедине.

Иван, высокий, худой, подтянутый, с продолговатым вытянутым лицом, не выглядел таким мужиковатым простаком, как Дмитрий, – в нем явно проступала кровь московских и литовских государей. Он был в легком коротком кафтане, статный и строгий, и приветствие его было даже немного высокомерным – это Семен довольно остро чувствовал, особенно когда Иван холодно, без выражения каких-либо чувств, троекратно расцеловал его.

Пока старые слуги матери, знавшие князей с их детства, снимали с Семена верхние одежды, переодевали в домашний легкий кафтан и переобували в мягкие сафьяновые сапожки, Семен оглядывался. Мало что изменилось с детства. Все уставлено многочисленной серебряной посудой, полы устелены дорогими цветастыми коврами. Низкий сводчатый потолок расписан витиеватыми узорами и цветами, но в детстве эти росписи и рисунки казались ярче и светлее – ныне же краска потускнела от времени. В углу столик с высоким металлическим кумганом³ и лоханкой для умывания. Резные лавки, устеленные узорчатыми бархатными половочниками, тянутся вдоль стен. На столе, укрытом парчовой скатертью, уже стоят серебряные блюда, чарки, кувшины. В высоких креслах сидят братья, по-домашнему теплые блики свечей освещают их застолье. В красном углу, где стоят чтимые семейные иконы, из тьмы пробивается блеск лампад.

– Присядь, Семен, помянем матушку! – позвал Дмитрий, разливая по чаркам мед. Семен, не сразу оправившись от нахлынувших воспоминаний, медленно направился к столу и тяжело опустился в уготовленное ему кресло. Братья выпили чинно, в тишине. Разговор никак не начинался. О матери никто говорить не хотел, было стыдно, что долгие годы сыновья редко навещали к ней. Потому сразу начали о делах в думе, о смерти великого князя, приезде крымских послов, и все как-то вскользь.

– Почто Юрия Дмитровского вы велели арестовать? – спросил Семен, поглаживая худое скуластое лицо с короткой кудрявой бородой.

– Иначе нельзя было! – пожав плечами, ответил Дмитрий, смачно поедая щи. – Больно силен был! И бояр у него много, и все на наши места и земли хотят!

– А как быть с Андреем Старицким, младшим братом покойного великого князя? – с живым интересом вопрошал Семен. Не хотелось ему той же участи и для Андрея Иоанновича – родня как-никак!

– Слаб он да нерешителен! Пуцай пока в Старице своей сидит тихо! – продолжал Дмитрий, изредка поглядывая на Ивана. Тот молчал, опустив глаза в стол. Было видно, ему эта тема неприятна, ровно как и речи старшего брата. Дмитрий слишком резок и бездушен, но говорить ему этого не хотелось сейчас, ибо общее горе и ощущения присутствия матушкиного духа будто уберегали их от ссоры. Потому и Семен не мог вылить из себя гнев и жестко спросить – почему братья не помогут ему попасть в думу, не дадут проявить себя в управлении государством! Потому, силясь показать свое значение и живой ум, заявил:

– Я бы не посмел князей под стражу брать, тем паче ныне, когда великий князь лишь только упокоился в могиле. Бездушно!

Дмитрий с усмешкой взглянул на Семена, Иван же медленно, будто с неохотой, принялся есть. «Снова они насмеются надо мной!» – тут же возникла большая мысль в мозгу Семена и ранила его в самое сердце. Он стыдливо опустил глаза, сцепил пальцы сложенных на столе рук.

– Помимо нас есть и другие бояре в совете. Шуйские, например, – ответил Семен, будто поясняя свою усмешку.

³ Кумган – азиатский кувшин с носиком и крышкой.

– А почему Шуйские слово над нами имеют? Разве они родовитее нас? – с возмущением выпалил вдруг Семен, развернувшись к братьям и заглядывая им в лица, словно ища одобрение или поддержку. И снова нет, братья молчат, двигая челюстями.

«Они ведь даже не слышат меня!» – думал Семен. Но он не знал многого, ибо братья не считали нужным с ним делиться своими планами. А в планах было свалить Шуйских и прочих опасных опекунов, таким образом занять главенствующее место в управлении государством. И молчали они, так как Семен давил на большую мозоль: Шуйские стояли уже поперек горла!

– В Серпухов поедешь весной! Молвят, татары крымские придут снова, – сказал вдруг Дмитрий Семену, да так, словно решил просто отделаться от него. Семен согласно склонил голову, промолчав. И снова потек тихий разговор Ивана и Дмитрия, в коем их младший брат не участвовал. Снова...

– Молвят, Иван Воротынский бежать в Литву удумал. Схватили вот. Слышал? – говорил Дмитрий. – Сыновей его вместе с ним под арест, а старшего, Владимира, едва батогами насмерть не забили. Так и не ведаю, живой он аль нет?

– Князья и бояре думают, что сохранился дедовский уклад и можно к новому правителю отъехать со своим двором, – отвечал Иван, поглаживая узорчатую скатерть ладонью, – не поняли еще, что в Московской державе после Ивана Великого сие действие является изменою, а не просто отъездом, как в старину! Нескоро еще своевольство у знати выбьется!

И Семен вдруг четко осознал, что тоже хочет убежать. В Литве ценят беглых бояр и князей-московитов! Глядишь, там ему будет больше чести оказано, чем на родине. А что его тут держит? Ничего, кроме долга службы. Да и службы кому? Младенцу великому князю? Литвинке Елене? Шуйским? Нет уж!

Ночь была тихой, и Семен, отказавшийся оставаться в родительском доме, поднял своих верховых и велел собираться в путь. Сухо попрощался с братьями и отправился обратно в Коломну. Отъезжая от опустевшего дома родителей, в маленьком слюдяном оконце которого во тьме виднелся тусклый свет, он дал себе волю и, закрыв лицо рукой в толстой перчатке, разрыдался, тоскуя по ушедшему детству, по братской дружбе, по матери, по ее ночным сказам о доблестных рязанских князьях... Все это ушло, исчезло во тьме лет, как и исчез в ночи огонек из окна родительского терема. Утерев лицо, Семен перевел дух и проговорил твердо, будто убеждая себя в своей правоте:

– Убегу!

* * *

У Шуйских было слишком много противников, и Елене вскоре стало известно о том, что Андрей Шуйский после смерти великого князя Василия пытался уйти на службу к Юрию Иоанновичу. Изменник был схвачен в тот же день по приказу Елены, и руководил арестом вновь прекрасный дворянин Иван Телепнев. Тогда-то и начали догадываться все о том, что молодой князь стал любовником вдовы. Василий Немой же понял, что Шуйским сейчас лучше отойти от управления государством и покорно удалиться в тень. Так Елена начала отстранять от власти назначенных мужем опекунов, и с полной уверенностью считала, что усмирила Шуйских, но она слишком плохо знала эту властолюбивую семью...

Теперь, подобно единоличной правительнице русского государства, Елена принимала поданных в своих покоях, где княгиня восседала в резном кресле. И отныне без опаски приглашения тайны об ее порочной связи Елену всюду сопровождал Иван Телепнев...

Они ждали главу совета при великом князе – Михаила Львовича Глинского, дядю Елены. Когда-то он начал мятеж в Литве, после чего род Глинских был вынужден уехать в Москву на службу к великому князю Василию. Но с началом очередной русско-литовской войны попытался вновь перейти на службу к королю Сигизмунду, но был схвачен и брошен в темницу.

Лишь в последние годы жизни великого князя Василия он смог вновь вернуть его расположение и ныне возглавлял совет при нынешнем великом князе.

Часто во время приемов в горнице на ковре играли дети – так Елена лишней раз стремилась напомнить подданным, почему вся власть находится в ее руках, мол, пока великий князь с деревянными лошадками играет, на ее плечах заботы о правлении державой. Иоанн порой отвлекался от игры и глядел на восседавшую в высоком креслице мать, твердую, властную, одетую в узорчатый опашень с пышными рукавами. Волосы скрыты под сорокой, унизанной жемчугами и камнями, обрамляющей ее голову и вытягивающей строгое лицо. Весь вид Елены говорил об одном – она и есть власть! Она – мать правителя государства Российского!

Няньки спешили к ползущему и мычащему Юрию – утереть свисшие до пола нити слюны. Страшное стало замечаться в нем – пустой, безучастный взгляд, несвязные звуки, малозаметное еще уродство.

– Пошли прочь! – прогнала нянек Елена и, взглянув с болью и досадой на младшего сына, повелела и его увести. Маленький Иоанн был посажен в детское кресло, что было установлено рядом с материнским.

– Сиди, Ванюша! Сиди подле меня спокойно! – сказала шепотом сыну Елена. Телепнев, стоявший позади нее, нежно погладил плечо княгини. Когда послышались за дверями твердые шаги, он резко убрал руку.

Михаил Львович Глинский не упускал возможности проявить свою важность, потому никогда не кланялся ни племяннице, ни ее сыну. Было видно, что присутствие Телепнева смутило его поначалу, но престарелый князь быстро обрел твердость и тяжело поглядел на Елену, а затем поверх ее головы на Телепнева. Их взгляды, полные ненависти, схлестнулись, это почувствовал даже маленький великий князь, напряженно застывший в своем креслице. Елена, не сразу решившись нарушить тяжелую тишину, проговорила:

– Итак, Михаил Львович, о чем в думе говорили прибывшие утром литовские послы? Надеюсь, не оскорбило их то, что великого князя не было в думной палате?

– От имени великого князя мы приняли литовских послов, – поглядывая то на Елену, то на Телепнева, отвечал князь Глинский, – они требуют вернуть смоленские земли, захваченные Москвой десять лет назад...

Когда речь заходила о государстве ее сына, Елена готова была защищать его до последнего, будто от этого зависели жизнь и счастье маленького Иоанна. Так и теперь, сверкнув глазами и вцепившись пальцами в резные подлокотники, отвечала твердо:

– Смоленск им не видать!

– Тогда нас ждет война, – возразил было Глинский, но Елена перебила его:

– Хотят войны – они ее получат!

– Но держава еще не оправилась от последнего набега татар! На рязанских землях пепелище, и весной, видать, крымцы вновь придут! Все войска стоят под Москвой или стянуты на юг! Не выдержим мы войны с Литвой!

– Ежели мать великого князя желает воевать за Смоленск, русское воинство ее поддержит! – сказал вдруг Телепнев, пронзая князя взглядом насквозь. Глинский едва не задохнулся от возмущения, побагровел, скрипнул зубами. Понял, что бесполезно говорить о Смоленске. «Ничего, значит, поступим по-своему! Отдам Литве Смоленск, но сначала задавлю этого цепного пса!»...

– И еще, – отводя тему, проговорил Михаил Львович, – к тебе едет Андрей Старицкий, брат твоего покойного супруга. Это главное, что я хотел тебе донести.

– Зачем он едет сюда? Неужто будет просить за брата своего, которого своей высочайшей волей ты заковала в цепи? – спрашивал Телепнев с усмешкой.

– Поглядим, – усмехнулась Елена. – О чем бы он ни просил – ничего не получит.

– Еще, – выпрямившись, говорил престарелый Глинский, и вновь с презрением взглянув поверх головы Елены на Телепнева, – могу ли я с тобой говорить с глазу на глаз?

Елена подняла взгляд на любимца, словно выпрашивала его совета. Иван Телепнев не оборачивался к ней и не уходил – также пронзал тяжелым взглядом престарелого князя.

– Говори при нем! – с трудом пыталась проявить твердость Елена. Пальцы нервно застучали по подлокотнику.

– Что ж, – двинув желваками, начал Глинский, – коли хочет, пусть слушает. Гадко видеть мне, как ты, Елена, очерняя память своего покойного отца, память покойного великого князя, отдалась разврату, гнусному, грязному! На троне разврат еще гнуснее, так как не дает вырваться добродетели, оправдывающей власть самодержавия, добродетели, коей жаждет народ!

– Никто... – Глаза Елены вспыхнули. – Даже ты, глава совета, держащий истинную власть в руках, не смеешь клеветать на меня и обвинять в ославлении памяти покойных!

Высокомерный Глинский, развернувшись, тут же поспешил уйти, без прощания и поклона. Громко захлопнулась за ним дверь. Злобно глядя перед собой, словно ушедший был еще здесь, Елена проговорила с ненавистью:

– Ненавижу его. Ненавидела с детства... Он, младший брат моего отца, упокой Господь его душу... – Перекрестилась. – Всегда принижал батюшку, словно имел над ним какую-то власть. Когда наша семья перешла под защиту великого князя Василия и началась очередная война с Литвой, он тут же предал своего нового повелителя и едва не перешел снова на сторону короля Сигизмунда. Мой отец тогда не пережил этого позора, когда его младшего брата в цепях везли в Москву. Только я вымаливала на коленях прощение для дяди, и лишь благодаря мне Василий подарил ему свободу. Я надеялась, что дядя заменит мне умершего отца... Но он остался тем же ядовитым змеем...

Она в ожидании взглянула на Телепнева. Он стоял, опустив глаза и стиснув зубы.

– Теперь он сделает все, чтобы задавить меня. Не простит мне этих речей, – проговорил Телепнев тихо.

– Я не позволю ему! – с нежностью в голосе отвечала Елена, обернувшись к любимому. Она ради спасения любимого и единоличной власти была готова расправиться с ненавистным дядей. Участь главы совета при великом князе была решена...

Андрей Иванович, князь Старицкий, прибыл к Елене утром следующего дня. Сыновей княгини в покоях не было – не хотела она, чтобы князь виделся со своими племянниками. Но зато, как всегда, подле был Телепнев.

Сперва слуги князя преподнесли великой княгине и ее сыновьям дары, как этого требовал обычай, и когда рухлядь унесли слуги Елены, вошел старицкий князь. Андрей Иоаннович стоял перед золоткой в бархатном опашне с золотыми петлицами и опушенной мехом ферязи на плечах; его темная с проседью борода была аккуратно подстрижена, короткие темно-каштановые волосы вились на взмокшей голове.

Князь по натуре своей был робок, но едва узнав о заточении брата, воспылал ненавистью к Елене. Возненавидел и Телепнева, ибо знал о порочной связи, слишком скоро после смерти Василия ставшей общеизвестной, и теперь ловил его надменный взгляд, глядел на капризные губы, искривленные в презрительной ухмылке. Елена же относилась к брату покойного мужа настороженно и, можно сказать, враждебно, ибо понимала – рано или поздно они столкнутся в борьбе за московский стол! Потому Андрей Иоаннович и Елена не скрывали пренебрежение друг к другу: великая княгиня не поднялась с кресла, чтобы поприветствовать гостя, а князь Старицкий не поклонился ей. И все же Андрей Иоаннович чувствовал, что она сильнее.

– Здравствуй, княгиня! – сказал он, склонив голову. – Прибыл к тебе лишь сейчас, дождавшись конца сорочин по брату своему и супругу твоему Василию Иоанновичу! До сих пор горе терзает мою душу...

– Здравствуй, Андрей Иоаннович, рада видеть тебя, – улыбнулась Елена и жестом приказала Телепневу выйти. Откланявшись, он покорно вышел, не сводя глаз со старицкого князя. Довольно заметил Телепнев, как трепещет брат покойного великого князя под тяжелым взглядом Елены!

– Думаю, не поглядеть мне в очи ты пришел. Чего надобно тебе, князь? – уверенно спросила Елена, сверкая глазами. На губах ее играла полускрытая улыбка. Андрей Иоаннович пришел поднять вопрос о своих наделах – сей разговор он начинал со старшим братом незадолго до его смерти. Но весть о заточении Юрия окончательно настроила старицкого князя против Елены, и уже решил: если не отдаст Елена ему уделы, нужно начать борьбу, и поводом для этого может стать арест дмитровского князя.

– Пришел выразить свою покорность сыну твоему, нашему государю, Иоанну Васильевичу и тебе как его наставнице, – начал Андрей Иоаннович, – но кроме того...

Он замолчал и поглядел на Елену. В ее приоткрытом ротике сверкали белые маленькие, хищные зубки. И глаза эти...

– Незадолго до того, как князь великий, мой брат старший, преставился, говорили мы с ним о том, чтобы, – продолжал Андрей Иоаннович, – обещал он позволить мне... расширить свои владения, присоединить к моему княжеству несколько городов и... на мое послание я так и не дождался ответа, потому пришел напомнить сам...

Елена улыбнулась и откинулась в кресле.

– Я читала твое послание. И много думала, прежде чем принять решение...

Пронзив князя своим тяжелым взглядом, Глинская продолжила:

– Ты один из тех, кто был с моим покойным супругом в его последние минуты, ты слышал его волю. И сказал он тебе – жить и владеть своим уделом, не отзывать к себе людей и помогать мне искоренять измену в великом княжестве... И вокруг меня всюду враги... Не могу я сейчас, князь, дать тебе новых земель... Но одарю тебя подарками из государственной кладовой! Жалую тебе шубы, золотые сосуды и скакунов, каких только сам пожелаешь. Это все, что я могу дать тебе, князь, чтобы доказать свою любовь. Надеюсь, простишь меня и сына моего, великого князя...

На лице князя заходили желваки. Он уже ненавидел ее. Ненавидел этот уверенный голос с наигранной разочарованностью, ненавидел пронзающий взгляд, ненавидел все ее существо и все, что Елену окружало...

– И еще... – закипая и едва сдерживаясь, говорил князь, – ответь, по какой вине мой брат брошен тобою в темницу?

Елена ждала этого вопроса, готовилась, и теперь на лице ее была притворная скорбь:

– Жаль мне Юрия Иоанновича, но токмо во имя единства державы, оставленной великим князем Василием Иоанновичем сыну моему, бояре сочли нужным арестовать дмитровского князя, ибо, предав клятву свою, звал на службу к себе моих людей. Хотела бы я отпустить его, но бояре не позволят...

С минуту Андрей Иоаннович молча глядел в очи Елене, читая во взгляде ее: «Покажи мне, что ты враг мне и сыну моему, и тебя велю тотчас взять!» Он понимал все это и... робел. Хотелось поскорее уехать отсюда.

Уезжая тем же вечером в Старицу, князь увозил с собой жену с годовалым сыном на руках. Они ехали в крытых санях, сопровождаемые вооруженными верховыми. Младенец Владимир мирно спал на руках няньки, а супруга князя, Ефросинья, такая же властная и сильная женщина, со злостью говорила о том, что Глинские – худородные литовцы и нечего Елене у престола делать. Вспомнила и Ефросинья, что предком ее был сам Гедимин, вспомнила, что

отцом мужа ее был великий князь Иоанн Третий, и теперь оба должны этой Глинской, безродной девке, в ноги кланяться, а «выблядка» ее государем величать. Страшно было в гнев мужиковатое лицо Ефросиньи Андреевны, из-под густых бровей ее сверкали глубоко посаженные страшные глаза. Покосившись на сына, мирно спящего в руках няньки, с удовлетворением подумала она о том, что когда-нибудь, может, он станет великим князем Московским...

Ехали всю ночь. В предрассветной мгле, уже близко, показалась Старица – небольшой город на берегу Волги с невысокими избами и возвышающимся над ними Успенским монастырем, который совсем недавно был восстановлен князем Андреем Иоанновичем. Совершая такое богоугодное дело, думал он о том, что все, чего он хотел получить, обязательно к нему придет. Но, видимо, не время.

* * *

1534 год

Крымские татары все же пришли весной с набегом, и были разбиты русскими воеводами у реки Проны. Полк Семена Федоровича Бельского простоял в Серпухове, прикрывая Москву, всю весну и все лето. И, конечно, туда быстро доходили известия из столицы...

В высоком тереме воеводы было тихо и темно. Терем стоял черной глыбой, возвышавшейся в крошечной ночной тьме. Ставни закрыты, слуги, словно перед походом, вооружены, все до одного.

За широким столом под низким бревенчатым потолком собрались самые близкие и верные князю люди. С ним были некоторые дети боярские⁴ и окольныхчий⁵ Иван Ляцкий с сыном. На столе стояло несколько свечей, да в углу скромно светила лампадка у образа.

Смурым был воевода, печать глубокой думы лежала на его лице. Верный ли путь он выбирает, увлекая за собой и тех мужчин, что были с ним в его тереме? У всех на устах одно – Елена бросила в темницу дмитровского князя и его бояр. За это, а также за порочную связь с Телепневым, любимцем покойного великого князя Василия, ее возненавидели. Уже за глаза называли княгиню ведьмой, зверюгой и сатаной. Это заставило его наконец решиться.

Князь с мукой взглянул туда, где среди тьмы глядело на него, освященное тусклым светом лампадки, лицо Христа, и в душе стало еще тяжелее, еще боязней. Отринуть веру свою, братьев, родную землю – легко ли? Семен покосился на всех, кто был с ним в эту ночь, и спросил:

– Молвите, братья! Верно ли решили?

– Верно, князь! – решительно ответил Ляцкий. – Коли Елена Глинская и Телепнев теперь владеют всем, то доколе нам терпеть их коварство?

– Сколько нас идет?

– Четыре сотни конников, – глядя Семену в глаза, говорил Ляцкий, полноватый рябой мужчина с тонкой седеющей бородкой, – ежели на заставе попадетя отряд московский, пикнуть не успеют, порубим всех. Но то вряд ли – заставы плохо охраняются, ратники по городам стоят!

Распахнувшиеся двери заставили всех мужчин настороженно обернуться – вошел запыхавшийся гонец Микула, которого Семен направил в Москву для того, чтобы перед побегом узнать последние известия.

– Вчера ночью арестован был Михаил Глинский... В измене обвиняют...

⁴ Дети боярские – сословие в России (XIV–XVIII вв.), несшее обязательную службу и получавшее за это земли. Также основная часть русской тяжелой конницы. Могли происходить из семей как бояр, так и дворян.

⁵ Окольныхчий – второй думный чин Боярской думы, при получении которого было возможным возглавить полк, приказ.

Мужчины зароптали, стали возмущаться. Это была последняя капля – Елена и Телепнев под себя забирают всю власть!

«Что же братья просто смотрят на это? Ничего, трусы, я сам свергну их... руками короля Сигизмунда!» – подумалось тут же Семену, и, поднявшись, скомандовал твердо:

– Пора!

Он надел поверх кольчуги вотол, голову укрыл капюшоном. Его примеру последовали дети боярские и Ляцкий со своим сыном. Перед тем как затушить лампаду у образа, посмотрел на строгое, будто осуждающее, лицо Христа и, не в силах выдержать его взгляда, пусть даже изображенного на доске, торопливо задул огонек, и глаза Спасителя, пронзавшие князя до самого нутра, исчезли в темноте...

Глава 3

Просыпаясь среди ночи, маленький Иоанн уже привык слышать из соседних мамкиных покоев странные звуки – сдавленный женский стон и шумное, частое мужское сопение. Еще ничего не понимая, но уже смущаясь этого, мальчик спешил снова уснуть...

Все чаще Телепнев ночевал у Елены. Будучи редкие минуты наедине, они говорили о многом. Длинные рыжие кудри Елены рассыпаны на подушках, в глазах ее блистало само счастье. Телепнев, приподнявшись и опершись на локоть, лежал рядом, любуясь очертаниями любимого лица, укрытого ласковой темнотой.

– Ты ведь помнишь меня на своей свадьбе, Елена? – спрашивал Телепнев с улыбкой. Елена взяла его руку и поднесла к своим губам.

– Как не помнить? С того самого дня, когда увидела я твои ясные очи, эти губы... Ты пленил меня... Но что я могла сделать?

В это время в покоях Елены не было места разговорам о государственных делах. Ночью любовники отдыхали от этого бремени. Казалось, не было этих пугающих утренних известий о побеге Семена Бельского и окольного Ляцкого в Литву, не было гневных речей в сторону семейства Бельских, не было напряженных размышлений с Телепневым с глазу на глаз о том, как поступить с братьями беглеца. Он, конечно, советовал бросить в темницу обоих, но Елена сделала по-своему – велела арестовать Ивана, среднего брата, а Дмитрия, оставив в прежнем положении при дворе, отправила на южные границы, «боронить их от татар». Так еще одна сильнейшая боярская семья была отстранена от управления государством. По сути это означало то, что Елена и Телепнев окончательно захватили власть. Остался, по их мнению, единственный опасный противник – старицкий князь Андрей.

Но сейчас об этом не хотелось думать и говорить...

– Ты бы смогла убежать вместе со мной, если б Василий был бы жив? Убежать из Москвы, – спрашивал Телепнев, подавшись к любимой. Елена пронзительно взглянула на нависшую над ней тень и отрицательно покачала головой:

– Я бы не бросила своего супруга и не стала бы позорить свою семью. К тому же я – мать великого князя Московского.

Телепнев с тоской огляделся, задумавшись. Он ревновал ее к покойному великому князю, ревновал, что, пока Василий был жив, Елена не подпускала Телепнева к себе. Останься Василий живым, не заполучил бы ее Телепнев никогда! Ревновал жутко не только к мужчинам, порой даже к самой власти.

– Эх, почему наша жизнь не иная! Лучше бы не знал тебя вовсе! Не терзалось бы так сердце мое в твоих руках. Я больше, чем кого-либо, люблю тебя, Елена! Но ты государыня и мать государя. Не будет того счастья, о котором я так часто думаю!

Елена погладила его поросшие щетиной щеки – князь, как когда-то покойный Василий Иоаннович, дабы угодить возлюбленной, сбрил свою бороду.

– Не нужно мне другой жизни. Не пришел бы мой отец на службу к московскому князю, не видела бы и тебя. И зачем мне такая жизнь? Кроме тебя, нет никого в моем сердце. Ты – мое ясно солнышко, свет в оконце среди всей этой грязи и лжи...

Телепнев перехватил ее руку, схватив за запястье, приблизил свое лицо к ее лицу и проговорил строго и настойчиво:

– Обещай слушать меня во всем! Обещай!

– Обещаю, – прошептала Елена. Сейчас не была она той властной правительницей со страшным взглядом. Рядом с ним она была женщиной – любящей и любимой.

Со звериной жадностью Телепнев впился в ее губы, словно собирался растерзать их, лег сверху, а затем жестко развернул Елену на живот. Улыбаясь, она откинула рукой густые рыжие кудри с лица и выгнула спину. Княгине нравилась грубость, с которой Телепнев овладевал ею...

С рассветом он спешил покинуть покои Елены, чтобы утром предстать перед ней простым подданным, по советам и наущениям которого она правила...

* * *

Великий гетман литовский Юрий Радзивилл отправил несколько дней назад послание королю, где сообщал, что в его лагерь под Могилевом прибыли русские «беженцы»: князь Бельский, окольный Ляцкий, а с ними значительный отряд из четырехсот всадников. Это было настоящей неожиданностью для гетмана, и ему сперва доложили, что сюда направляется московское посольство. Но, как оказалось, все намного интереснее. И пока готовили послание королю Сигизмунду, «гостей» пригласили отобедать с влиятельнейшим литовским военачальником.

Стол, укрытый белой скатертью, вмещал на себе серебряные блюда с различной запеченной птицей, отдельно в вазах стояли фрукты и ягоды, от которых слуги заботливо отгоняли мух. Графин с холодным рубиновым вином обтекал каплями. Гетман пригласил за свой стол лишь Бельского и Ляцкого и сидел, высокий и крепкий, с длинной седой бородой, слушал Семена Федоровича о бедах, свалившихся на русское царство.

– Меж боярами единства нет. Нет и твердой руки, способной удержать власть и защитить земли, ибо государь мал, и всем заправляет его мать. Ежели собрать полки ваши и пойти на Смоленщину, можно вмиг вернуть себе земли, отвоеванные у вас покойным великим князем Василием...

Конечно, в первую очередь речь шла о Смоленске, его потеря была для Литвы колоссальной, и при этих речах невольно улыбка озарила лицо старого гетмана. И перед тем как отправить послание королю, велел приписать в грамоту сказанное князем.

Ответ короля не заставил себя ждать. Преисполненный радостью, он поручил гетману приставить к «беглецам» людей, дабы они проводили их в Краков, где находился королевский двор.

Семен, начав свою авантюру, с наслаждением мечтал, как сокрушит ненавистную Елену и Телепнева, а после... После мысли омрачались сами собой, и происходящее вокруг все больше казалось сном. Хотелось проснуться, убежать, но пути назад не было – наверняка в Москве Елена уже уготовила ему темницу с оковами...

Как братья там? Не в цепях ли? Не отобрали ли земли? Все это не давало ему покоя. Вспоминался отец, наставлявший жить трем братьям в мире, вспоминалась мать, тетка последнего великого князя Рязанского Ивана, коего великий князь Василий обманом заманил в Москву, заключил под стражу и тем самым подчинил Рязань Москве.

Мать рассказывала о доблестных рязанских князьях, о своем отце, и Семен помнил, как подкосилось ее здоровье, когда княжество предков ее перестало существовать. Теперь же Семен мечтал восстановить эту несправедливость, оторвать Рязань от Москвы и стать великим князем Рязанским. Затем, сместив Иоанна и его мать, завладеть и Москвой...

В этих мыслях князь и приехал в назначенное место.

Краков произвел странное впечатление на русских. Огромный город с каменными островерхими домами, плотно прижатыми друг к другу, был населен многими народами – и татарами, и армянами, и евреями, далекими от всего мира индусами; это лишь та часть населения, кою успели заметить приехавшие беглецы. Семен, въехав, озирался на вымощенные грязные улицы, на островерхие дома, и он решительно не понимал, как в этом неуютном, сыром городе можно жить. Двое католических монахов в долгополых рясах с четками в руках перешли

дорогу. Грязные ребяташки оравой пробежали мимо. Насупленные шляхтичи расхаживали в тулупах и меховых сапогах, недоверчиво и злобно озираясь на странно одетых всадников. Скоморохи и причудливо одетые фокусники были тут и там, развлекали толпу.

– Батя, от чего король Жигимонт именуется великим князем Литовским, а живет в Польше, в Кракове? – спросил у Ляцкого его юный сын, еще не познавший ни женщин, ни ратного дела.

– Оттого, сынок, что хотят они объединиться уже много лет, но пока не могут! – отвечал, понизив голос, Ляцкий. – При прежнем короле Александре Ягеллоне сейм постановил, что иметь с того времени они будут одного короля, и короноваться он обязан здесь, в Кракове, но власть короля лишь в Литве является полной. Здесь же правит шляхта. Все как в Москве, сынок, токмо вместо шляхты у нас бояре...

Вскоре русичи приблизились к Вавельскому замку, чью высокую колокольню и они узрели, едва приближаясь к городу. Замок стоял на холме Вавель, от которого и получил свое название. Высокий, каменный, он совсем не походил на небольшой в сравнении с ним деревянный терем великого князя в Москве. Говорят, король – великий любитель моды, и после того как пожар уничтожил старый готический дворец, он отстроил его в стиле ренессанса с колоннами и арками, искусно расписав фасады, но русичи не ведали о европейской моде, потому просто молча озирали странный, по их меркам, дворец. Рядом возвышался кафедральный собор Станислава и Вацлава – место, где водружались короны на головы новых королей и где покоились их предшественники.

Бельского ждали и тотчас отвели к королю. Король Сигизмунд носил прозвище Старый, и немудрено – в апреле ему исполнилось шестьдесят семь лет, довольно приличный возраст для мужчины того времени. Король обрюзг и потучнел, толстую шею его перетягивал белоснежный кружевной ворот, горностаевая мантия на плечах ширила короля еще больше; шапочка с камнями укрывала полысевшую голову. Брови грозно сведены к переносице, а под ними сверкали маленькие злобные глазки; рот капризно искривлен, нижняя губа невероятно толста и немного висит.

«Экий хряк на троне», – невольно подумалось Семену Бельскому, когда он вошел и поклонился. Его сопровождали двое сыновей боярских и Ляцкий – все преклонили колена пред королем Польским и великим князем Литовским. Говорили советники короля. Сигизмунд же молчал.

– Его величество рад принять у себя столь влиятельных в Московии мужей, – торжественно произносил крепкий голос. – И верит, что с вашей помощью вернет принадлежащие по праву державе его земли.

После «беглецов» провели в украшенную коврами залу, посреди которой стоял богато накрытый стол с разнообразной снедью в серебряных посудах. Факелы на стенах и свечи ярко освещали ее. Уставшие с дороги русичи быстро накинулись на еду. Отодвинув прочь причудливые столовые приборы, ели руками, рыгали и чавкали, опустошали чары с медом без остановки. Семен был хмур. Князь покосился на Ивана Ляцкого, и он, оглаживая от крошек пепельную бороду, утер длинный кривой нос платком и проговорил, хитро прищурясь:

– Когда восемь лет назад с посольством от великого князя Василия приезжал, нас по-другому здесь принимали. Не так радушно!

– Я думал, мы сразу обсудим – какие земли нам полагаются, – уставившись в одну точку, пробурчал недовольно Семен. Он скоро захмелел от вина и меда.

– Не сумуй! – отмахнулся Ляцкий. – Ешь, пей, вкушай королевскую милость. Сегодня надобно отдохнуть, а завтра и обсудим! Они, кстати, и верно решили, что мы серьезный вес при дворе в Москве имели. Не стоило бы им ведать, что ты и в думе никогда не заседал!

– Думают – и пускай. Главное, дабы война началась. Там себя проявлю, в Москву войдем, Россию меж собой поделим...

– Война будет! Тут нет сомнений. Гетман Радзивилл после напутствий твоих стягивает силы к границам. К тому же ты ведь помнишь, едва великий князь Василий испустил дух, Сигизмунд потребовал вернуть границы 1508 года, те, при которых Литва была еще сильна, и у нее был Смоленск. Елена, не размышляя, отвергла сие. Быть войне!

Хоть и кусок в горло не лез от волнения и внутренних переживаний, Семен Бельский заставил себя отведать запеченного лебедя, и после перебежчиков разместили во дворце. Все тут же забылись мертвецким сном – усталость и нервное напряжение дали о себе знать.

Вскоре советники короля явились к нему с бумагами, по которым Бельскому передавались во владение Кормялово, Стоклишки и Зизморы. Ляцкий же получал поместья в Трокском воеводстве. Когда Семен Бельский узнал о вручении ему во владение Стоклишки, что-то внутри него затрепетало, ведь земли эти получил последний рязанский князь Иван, его сродный брат, после того как великий князь Василий подчинил Рязань Москве и он бежал в Литву к Сигизмунду. Иван умер в начале сего года, и теперь часть его земель дарована Семену Федоровичу. «Может, и Рязань я также вослед тебе получу», – подумалось ему тогда. Надеялся он в глубине души, что победа Литвы над Москвой будет легкой, а о возможных последствиях начатого им дела пока и не задумывался.

* * *

Лето 1535 года. Брянская земля

Во времена, когда Литва и Польша непрерывно вели войны (то отражали набеги татар, то воевали с русскими, то с воинственными немецкими орденами), важным элементом рати было ополчение. Каждый землевладелец обязывался дать войску всадников в полном вооружении, и каждый шляхтич был обязан надеть доспех, какой имел, брать оружие и идти на войну. Иными словами, регулярной армии у них не было, вместо того существовал такой способ собирания рати – «посполитое рушение».

Семен Бельский, облаченный в сверкающую кольчугу и панцирь, гарцуя, ехал во главе польско-литовского отряда, над ратниками гордо развевались различные хоругви – знамена знатных аристократов. Позади, с обозами и артиллерией, шла пехота – стрельцы с луками и арбалетами, и копейщики. Бельский стоял в резерве, когда литовцы брали Гомель, теперь князь направлялся к Стародубу, дабы помочь гетманам Тарновскому и Радзивиллу захватить его.

Да, долгожданная война с Москвой началась, хотя изначально главнокомандующие литовские и польские не смогли развить успех. Немирович с тяжелыми боями и большими потерями взял Радогощ и двинулся на Чернигов и Стародуб, однако подойти к ним не смог, встретив мощное сопротивление войск московитов. Вишневецкий осадил Смоленск и долго стоял под его стенами, ослабляемый едва ли не ежедневными вылазками русских. Радзивилл же прикрывал тылы обеих частей. Вскоре и от Смоленска пришлось отступить. Ляцкий и Бельский, недавно до того вошедшие в тайный верховный совет при короле, боялись потерять доверие Сигизмунда, но, благо, он обвинил во всем своих горе-воевод, сократил войско и строго наказал Радзивиллу в следующем году проявить себя. И наказ короля сделал свое дело – в июле уже был взят Гомель. Но легкой войны, какой ее ожидали литовцы, поверив Бельскому, не было, ибо победа явно была на стороне московитов, и Семен уже тогда чувствовал, как королевский двор теряет к нему доверие. Но сейчас, под Стародубом, он имел возможность проявить себя и уже представлял, как вынудит жителей сдать на милость врагу, обошедшись малой кровью.

Бельский был счастлив – наконец он мог почувствовать себя важной персоной, принимая участие в управлении государством. А ежели Елена и Телепнев будут побеждены? Он станет родоначальником новой ветви рязанских князей и с помощью литовцев разгромит Крым и

Казань, а после... Мечтая, он не осознавал, что является лишь подданным польско-литовского короля, считал себя здесь скорее почетным гостем, но это было далеко не так!

По дороге попадаются остатки костров, сломанные телеги, какой-то мусор и свежие могилы. Вот у дороги лежат останки коровы, изъеденные птицами и животными. И стаи гаркающих ворон все чаще появляются в небе...

Он опоздал. Вместо покорно сдающегося города увидел пепелище и последствия резни. Литовский лагерь стоял неподалеку от Стародуба, ибо город, один из старейших на Руси, выгорел полностью. Страшно зияя чернотой, стояли обугленные городские стены. Вот куда спешили эти стаи вечно гомонящих птиц! Пахло гарью и тленом – город взяли два дня назад, и стояла нестерпимая летняя жара. Семен с застывшим побледневшим ликом остановил свой отряд, медленно сошел с коня и, гремя доспехами, вошел в город. За ним никто не последовал.

Отдельные группы литвинов и шляхты грабили там, куда не добрался огонь. Всюду лежали тела, обгоревшие возле обрушенных хором. Церковь превратилась в груды угля, и за ней, словно чудом убереженная, была часть города, не тронутая пламенем, и убитые лежали здесь, не уничтоженные огнем, но уже вздувшиеся и потемневшие. Мухи утробно жужжали над телами. На голове лежавшего вниз лицом мужика сидела ворона и дергала за уши, пытаясь, видимо, добраться до мертвых глаз. Поодаль с задраным подолом, бесстыдно и безвольно раскинув полные ноги, лежала убитая девушка. Трупы были всюду – старики, женщины, дети, мужчины, ратники. Остался ли еще хоть кто-нибудь, или гетманы уничтожили город полностью?

Он зачем-то вошел в дом, возле которого группа литвинов, одетых в безрукавные меховые тулупы, громко бранясь меж собой, делила какую-то утварь. В сенях почувствовал тленную вонь и услышал громкое жужжание мух. Зайдя, увидел тут же зарубленную старуху. Она лежала на спине, раскинув руки и отвернув голову, возле которой по кривому полу стекала к стене засохшая черная лужа крови. Тут же валялись разбитые кувшины и чарки, какое-то тряпье. Дверь в горницу выломана, и там весь пол был завален какой-то рухлядью. Погреб был открыт, стол и лавки перевернуты. Семен молча оглядывал разграбленную хату и уже, словно опомнившись, хотел выйти прочь, как вдруг заметил в заваленном корзинами и тряпьем углу у печи какое-то шевеление. Насторожившись, крепко схватился за рукоять прицепленной к поясу сабли и, осторожно ступая, двинулся поглядеть, что там. Под сапогами хрустел мусор.

В углу, прижавшись друг к другу, сидели двое ребятишек, мальчик и девочка. Они взирали испуганными глазенками на незнакомого дядьку в броне и с саблей, боясь пошевелиться. Семен застыл на какое-то время, и громкая литовская речь прямо под окнами заставила его опомниться. Коротко с места взглянув в окно, он вновь поглядел на детей. Каким чудом спаслись они в этом укромном углу за печкой? Какое-то время дети, спрятав наполовину лица под простыню, еще глядели на него, затаив дыхание, и он глядел, затем сделал им знак, чтобы сидели тихо и, развернувшись, вышел из хаты. Уходя, едва не споткнулся об лежащую в сенях старуху...

Когда стремглав покинул он город, помрачневший и сразу как-то осунувшийся, ему доложили, что гетманы Радзивилл и Тарновский ждут его в лагере. Оба, уже пожилые, седобородые, стояли в сверкающих панцирях, склонившись над столиком с картой. Поодаль стояли вооруженные стражники, знаменосцы держали хоругви своих военачальников, но ткани безжизненно висели от безветрия. Приветствие гетманов было безрадостным.

– Опоздал князь. И без тебя справились, – протянул Тарновский, усмехнувшись в бороду.

– Я заметил, – холодно ответил Бельский и с минуту молча глядел на них.

– Федора Телепнева взяли в плен. Он возглавлял гарнизон, – объявил Радзивилл. – Это ведь его брат возглавляет все войска московитов и правит наравне с матерью великого князя?

– Сродный. – Семен ответил вскользь, не ожидая столь приятного известия.

– Нам донесли, что боярин Василий Немой осадил Мстиславль, – говорил Радзивилл, глядя на карту. – Войско же его грабит окрестности.

– Не возьмет! – отмахнулся Тарновский и поднял взгляд на Бельского. – А ты как мыслишь? Возможен ли Мстиславль взять?

– Василий Шуйский – один из опытейших воевод в Московии, – кивнул Семен, поглядев куда-то в сторону, – глядишь, возможен. Только кабы он так же Мстиславль не вырезал, как вы Стародуб...

Оба гетмана почуяли упрек и тут же набычились, презрительно взглянув на этого беглого москвитя-молокососа.

– Жалеешь врагов наших? – вскричал Тарновский, сверкнув глазами. – Так, может, ты и сам враг? Иль переметнулся вздумал? Давай, пока не поздно!

– Не смей говорить так со мной, старик! – вспыхнул Бельский и уже едва сделал шаг навстречу, Радзивилл остановил их, рявкнув своим командным голосом и затем жестом подзвал опасливо стоявшего в стороне слугу.

– Время трапезничать, – объявил он, будто примирительно, но Семен за столом так и не притронулся к еде и все думал о тех двух несчастных детях, голодающих уже второй день. А здесь на столе и мясо, и птица, и овощи, и вино. Сейчас он ненавидел и гетманов, и короля, и самого себя, но затем поймал себя на мысли, что для достижения своих целей порой приходится переступать и через себя, и через отвращение... Смирился.

Наступила осень, и полки, отойдя к Гомелю, стояли на месте, мокли под первыми холодными дождями. Стало известно о набегах крымских татар на южные земли Московии, и Радзивилл все чаще говорил, что очень скоро Глинская и Телепнев начнут мирные переговоры, ибо откуда у них могли остаться силы для продолжения борьбы еще и с Литвой? Заставили даже пленного Федора Телепнева написать брату в Москву, дабы великий князь мир заключил с королем, но из Кремля холодно ответили, что король начал войну, и ежели хочет он ее закончить, пусть шлет послов в Москву.

Тогда же приходит странное послание Тарновскому от Сигизмунда – он требует арестовать Бельского и сопроводить его в Вильну.

– С превеликим удовольствием, – усмехнулся довольный Тарновский, прочитав грамоту. Стража вмиг оцепила князя, велели сдать оружие. Недоумевающему Семену ничего не оставалось, как покориться. Пришел Тарновский, стал с усмешкой глядеть на него, держа в руках королевскую грамоту. Семен усмехнулся ему в ответ. И уезжая в Вильну, он понял, что с помощью литовцев не добьется своей цели. К тому же он вспыхнул ненавистью и отвращением к королю и его панам.

Татары! Вот кто нужен Семену!

«Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда я приду с ними жечь твои имения», – подумал он с ненавистью о Тарновском и довольно улыбнулся. Но для начала нужно было избежать заключения...

Глава 4

1536 год. Муром

Хотя Дмитрий Бельский и был назначен главным воеводою в Муроме (а скоро, говорят, Елена назначит его наместником древнего Владимира), все равно для него это было своего рода ссылкой. В прошлом осталась Москва, главенство в думе. Ныне же в Москву даже не пускают, Иван в темнице, семья далеко. И виной тому Семен!

Дмитрий сидел в одной рубахе, большой и сутулый, уронив на дубовый стол свои богатырские руки. При мысли о брате-предателе пальцы сжались в кулак, и за этим последовал страшный удар по столу, в который князь вложил всю злость, боль и обиду. Говорят, в Литве земли получил, да в войне против своих же участвовал! Позор-то какой! Иван доселе в темнице, кабы не заках там! Ну, Семен! Ничего, повидаемся еще!

Гнев и обида быстро улечиваются, на смену им приходит горечь и тоска. По щекам боярина текут мужские слезы, тая в темной бороде. Как же вышло так, что большая и крепкая семья Бельских распалась, и теперь не собрать ее воедино за широким столом в родительском тереме? Он вспоминал отца, коего уже больше тридцати лет нет в живых, мать, вспоминал детство, когда он, старший брат, взяв за руку младшего – Ваню, с любопытством подходил к люльке, в которой, причмокивая губками и сжав крохотные кулачки, спал их новорожденный брат Семен.

– Возьми братца-то на руки, подержи, – молвила изможденная родами мать. Несмело Дмитрий взял крохотный пеленочный сверток, пахнувший чистотой и молоком, улыбаясь, пощекотал пальцем носик младенца, и Семен, цепко схватив палец, тут же отправил его себе в рот. Отец и мать долго смеялись потом, мол, палец в рот ему боле не клади, а то откусит!

– Откусил, Семен! Откусил! По самый локоть! – с досадой проговорил Дмитрий, борясь с тяжелым комом в горле. В сенях за дверью послышался какой-то шум и говор. Утерев слезы (не должны ратники видеть слез боярских!), крикнул раздраженно:

– Ну, что там еще?!

Заглянувший ратник доложил, что войска для смотра построены.

– Скоро выйду! – не оборачиваясь к нему, ответил Бельский. Тихо скрипнув, закрылась дверь. Подавил вздох, медленно поднялся из-за стола и кликнул слуг, дабы помогли ему переодеться.

На исходе был февраль, стоял мороз, снег гладкими курганами лежал на земле.

Дмитрий Бельский предстал перед выстроеным полком в блистающем шишаке, в атласном опашне, под которым сверкала серебром броня, сабля в узорных ножнах прицеплена к боку. Подвели высокого крепкого жеребца в цветастой попоне с золотыми кистями, звенела сбруя с позолоченными кольцами и удилами. Вдев в стремя ногу в остроносом красном сапоге, Бельский удивительно легко взлетел в седло – только полы опашня широко распахнулись в стороны – и двинулся вдоль построенного полка.

Копья ровными рядами взмывали вверх, сверкая на морозном солнце. От крепких мужиков, облаченных в панцири, стоял густой пар. Русский ратник был тогда мощным, умелым воином, обученным в боях с литовцами и татарами. Тяжелое положение государства, окруженного врагами, закаляло его защитников. И, медленно проезжая мимо выстроившихся воинов, Бельский заглядывал в каждое лицо, с почтением смотревшее на него. И взбодрился – есть у державы сила и мощь, пока такие богатыри стоят на защите ее! И радостно, искрой пронеслась в голове мысль: «Веди своих литвинов, Семен, на землю нашу! Братский прием я тебе обещаю!»...

* * *

Пахло морем и сырým деревом. День стоял ветреный, солнце укрылось за серыми тяжелыми облаками. Венецианская галера была все ближе к Константинополю – по крайней мере так говорили моряки. Семен Бельский, перегнувшись через борт, тяжело изрыгал в воду утреннюю трапезу. Рядом прошедший моряк невозмутимо выплеснул туда же помои из ведра и зашагал обратно, насвистывая что-то веселое. Сплюнув горькую слюну, Семен утер рот и снова вымученно поглядел вдаль, с нетерпением ожидая, когда же из зеленоватого бескрайнего моря появится легендарный Константинополь и он узрит золотой купол великой Софии, венчающий город, о коем рассказывали родители и наставники. Но пока лишь море уходило за горизонт, а над ним все так же висела туманная пустота...

Через многое пришлось пройти Семену Бельскому, прежде чем он оказался на этом судне.

Тогда, еще полтора года назад, когда он был арестован по приказу Сигизмунда и отбывал наказание в Вильно, он понял, что в Литве оставаться не намерен. Его обвинили в шпионаже и решении снова отъехать в Москву, но Семен прекрасно понимал, что все это из-за плачевных результатов войны, развязанной отчасти из-за его призывов. Заключение его походило скорее на домашний арест, так как в камере были кровать, стол, узника хорошо кормили, и тюремщик выносил ведро больше трех раз в день. Однако самолюбие князя было уязвлено.

В январе следующего года он был вызван на заседание господарской рады, где произнес пламенные речи, лживые и покаянные, лестные и призывающие к дальнейшей борьбе – все это произвело неимоверное впечатление на многих сидевших в том зале, и, конечно, после этого Семен был прощен. Он тут же вернулся в возвращенные ему имения, где стал вынашивать план отъезда к всемогущему турецкому султану...

Наконец, весной собрался в Краков к королю. В ночь перед отъездом решил развлечься... Молодая служанка, как только князь слез с нее, прикрывшись простыней, пугливо глядела на хозяина, на его широкую спину, пока он, голый, пропитанный потом, отвернувшись, жадно хлебал из кувшина вино. Отставив чашу, он, качнувшись, икнул и сказал злобно:

– Пошла вон!

И как только девка исчезла, упал на перину, забывшись мертвецким сном. Утром было несказанно плохо, и князь корил себя за тот «лишний» кувшин. Благо прохладный ветер в дороге отрезвил его.

– Молю об одном – дайте мне благословление на путь в Святую землю! – говорил он, склонившись пред королем. – Там я замолю свой грех во имя силы меча твоего. Верую, что молитвой своей у Гроба Господня выпрошу победы для тебя, и снизойдет Божья милость на нас...

Король сидел в черной бархатной мантии, скрывающей его жирное тело, на лысой голове сверкала небольшая корона с камнями. Полные губы короля искривлены к низу, маленькие злые глазки смотрели на Семена с полным безразличием. Одной рукой он подпер свой свиной подбородок, другой, украшенной перстнями с камнями, лениво взмахнул, чем дал понять, что дозволил Семену отправиться в путь...

Он ехал один, взяв с собой лишь саблю, торбу с едой и кошель с восемью тысячами золотых флоринов (гигантская сумма!), и это стало его ошибкой.

По своим расчетам, князь был в Венгрии, когда заметил, что за ним гонится конный отряд. Одеждой и вооружением они походили на ляхов – меховые накидки и шапки, просторные шаровары, заправленные в сапоги, сабли у поясов, и Семен невольно подумал, что Сигизмунд послал за ним, решив вернуть. Но, взглядываясь все больше, он понимал, что это не ляхи. Бежать было бесполезно – застрелят в спину, догонят; биться тоже не следовало – их в

разы больше. Они приближались, переходя на рысь, пристально вглядываясь в лицо одинокого путешественника. На незнакомом языке, окружив Семена, стали допрашивать его, и князь, ни слова не понимая, по-польски и по-литовски пытался объясниться с ними, что он – подданный короля Сигизмунда, князь Бельский из рода Гедиминовичей. Рассчитывал, что, услышав столь знаменитые имена, они отступят, а вместо того, приставив к его спине острие копья, велели слезть с лошади и отдать все, что есть. Он поспешил повиноваться, но кошель с золотом отдавать не собирался, пока один из всадников сам не забрал его. Отобрали саблю, мешок с едой, лошадь и стремительно ускакали прочь, исчезнув так же внезапно, как и появились.

С минуту Семен стоял посреди пустынной степи, слыша лишь завывание ветра и шелест травы. В глазах стояли досадные слезы. Убежал в Литву, оставил родину, братьев, теперь оставил Литву, где мог заниматься государственными делами – и ради чего? Чтобы его ограбили какие-то оборванные разбойники, оставив без пропитания, оружия и коня посреди великой, не знакомой ему степи? Сейчас казалось, что вожденный стол рязанский невозможно далек, недостижим. Хотелось помолиться, но вспомнил, что предал своего Бога, не внял Его знаку и покинул родину – молить о помощи было некого. И, стиснув зубы, Семен побрел сквозь высокую жухлую траву, не поднимая глаз.

Когда начало темнеть, он отчаялся. Уже многие версты ему не подалось ни единого живого существа. Семен был голоден, усталость валила с ног. В последний миг, накануне прихода зловещей ночи, он увидел вдали вереницу всадников. За ними тащились тяжело нагруженные телеги и возки. Поначалу страх и нерешимость одолели Семеном – днем ограбили, но хотя бы не убили, а сейчас у него брат нечего, кроме сапог и одежды, значит, непременно убьют! Но вскоре пришло осознание, что это купеческий караван. Там безопасно, есть еда и питье. Едва проскользнула эта мысль, Семен рванул с места, бежал за караваном, падал, полз, вскакивал, снова бежал, вытирая выступившие почему-то слезы.

Во главе каравана был старый еврей Аарон, говорящий на многих языках. Были среди его купцов и русичи, которым Бельский сдержанно обрадовался, даже позабыв на мгновение, что предал и свою страну, и народ. Оказалось, они едут в Инсбрук – Семену было с ними по пути. Аарон выслушал историю о том, как Бельского ограбили, подумал с минуту и позволил ему остаться – не оставить же человека погибать в степи. Семена тут же накормили и позволили взобраться в телегу с какой-то рухлядью, прикрытой рогожей, и в ней он очень скоро забылся мертвецким, спокойным сном.

У костра на ночном привале спросили, куда князь направляется в одиночестве. Семен кратко поведал о том, что он сбежал из Московии от боярского произвола, что теперь он направляется в Константинополь к великому султану, надеясь на его покровительство. После этого завязался неторопливый разговор.

– Константинополь – великое чудо, – говорил старый купец-еврей Аарон, а языки пламени ласково лизали пальцы его протянутых к костру рук, – наследство римских императоров, центр православия, разграбленный и завоеванный мусульманами. Величие прошедших веков граничит с грязью. А ведь когда-то не было города прекраснее и богаче. Так какой город сохранит в себе православную веру, станет Третьим Римом?

– Третий Рим давно создан германцами, – отвечал ему сидевший рядом купец Станислав. – Тогда, когда основана была Священная Римская империя! Нет могущественнее державы ныне!

– А как же преемственность культуры? Веры? Что общего у них с Византией кроме двуглавого орла? – вторил третий купец.

– Сей герб и Москва переняла! Великий князь нынешний – правнук Палеологов! И веру сохранили. Так, может быть, Москва – Третий Рим? – вопрошал Аарон и взглянул искоса на Бельского. Семен, укутавшись в теплый ватол, безучастно глядел на пламя костра. Может, ста-

рый купец хотел разглядеть в нем раскаяние, какую-то искру скрытой в душе муки отступничества от родины, государя и веры? Но не показал всего того Семен Бельский...

Инсбрук был в те годы одним из самых развитых экономических центров Европы. Семен ахнул, увидев вдалеке голубеющие Альпы и располагающийся у их подножия город, с тесно стоящими друг к другу островерхими домами и ратушами. Людей было невероятно много, гудел общий гомон, шум, грохот, скрип. Здесь Аарон сказал Семену, что пришла пора им расстаться, и указал ему дом, где жил австрийский дипломат Герберштейн, добавив на прощание:

– Иди к нему, ежели хочешь предстать перед королем Фердинандом. Однажды он станет императором Священной Римской империи. Тебе пригодятся такие знакомства...

Услышав, кто пришел к нему, Герберштейн тут же велел принять Семена и обещал устроить встречу с королем. Семен попросил растопить баню или хотя бы принести бочку с водой, дабы смыть дорожную грязь, Герберштейн несколько смутился – европейцы мылись тогда редко, но велел слугам отмыть и переодеть знатного москвитя.

– Ехать через Венгрию было вашей большой ошибкой! – говаривал Герберштейн. – Там давно идет война! Разруха! Часть венгров избрала своим королем его величество Фердинанда, другая же борется под знаменами трансильванского князя Яноша Запольяи. Вы не помните, были ли с теми, кто ободрал вас, какие-то знамена?... Нет? Немудрено, ведь это могли быть и просто грабители. Как жаль! Я буду просить его величество возместить вам хотя бы часть этого ущерба...

Король принял их через несколько дней, и разговор его с Семеном был недолгим. Фердинанд безразлично рассматривал гостя уставшими полуприкрытыми глазами, пока Герберштейн представлял Семена. Его никак не тронул приезд Бельского, он никогда не слышал ни о Рязани, ни о Белом княжестве. Семен не знал, куда себя деть. При разговоре о возмещении ему отобранных в Венгрии денег король вздохнул и развел руками, мол, денег сейчас нет, ибо много забот и расходов. Зато он приказал сопроводить Бельского в Венецию и посадить на определенную галеру, на которой князь сможет отправиться в Константинополь. На этом прием был закончен. Бельский, стиснув зубы, поклонился и поспешил покинуть зал.

– Как жаль! – сокрушался Герберштейн. – Но у короля действительно много забот! Еще эта война... К тому же он скоро выдает свою старшую дочь за сына польского короля, юного Сигизмунда...

«Да пропадите вы все!» – раздраженно подумал Бельский и попросил посла отправить его в Венецию сегодня же...

И вот, увидев причудливый город, стоящий на воде, и где по улицам перебираются лишь на лодках, он наконец сел в указанную галеру. Уплывая, все думал о том, что европейцы так далеки от русичей! Другая культура, вера, обычаи, привычки, все другое! Неуютно ему было среди них! Даже литвины и ляхи – и того ближе, чем эти холодные, неприветливые германцы и громкие, наглые фряги.

Венеция, кишашая людьми, лодками и судами, все больше отдалялась, но сейчас князь с тоской думал, что где-то там, будто в совсем другом мире, стоит матушка-Москва со своим каменным Кремлем и деревянными теремами, и где-то там родительский дом и негаснущий свет в оконце... Предательски защипало глаза, и он, собравшись с духом, переборол себя. Поздно горевать! Назад пути нет...

– Константинополь! Город впереди! – послышался крик одного из моряков, и Семен, до этого боровшийся с очередным рвотным позывом, вдруг ощутил облегчение, подбежал к носу корабля и, вытягивая шею, стал жадно вглядываться в проступающие сквозь туман очертания города.

Город стоял на берегу Босфора, огромный, окруженный массивной крепостной стеной, за которой виднелось бескрайнее безмятежное голубое море. Над городом возвышался огромный купол крупнейшего ранее православного храма – Святой Софии. Столетие назад он сверкал

золотом, и не было прекраснее и величественнее строения! Моряки, подплывавшие к Константинополю, издали замечали золотой свет над холмом. Веками София приводила приезжих в немой восторг. Теперь же она была обращена в мечеть, купол лишился золота, как и весь собор – богатств. Говорят, все христианские фрески и мозаики мусульмане замазали штукатуркой.

Здесь была сама жизнь, ибо через многочисленные ворота города постоянно проходили вереницы купцов и путешественников. Дул свежий морской ветер.

Пока причаливали и разгружали судно, Бельский, словно в тумане, видел лишь этот город, и более ничего. Вместе с венецианскими спутниками прошел он к воротам. Под стенами города находилась сельская местность: бедные хижины, худые дети, скот, хмурые, грязные жители. Когда ехали купцы сквозь пахнувший навозом, рыбой, пылью и нечистотами «посад», жители-турки безмолвно провожали их пристальными взглядами.

– Вот пригород Эюб, – показывал Семену один венецианец на обилие торговых лавок и невысоких домов с виноградниками, – здесь всегда так людно. А вон дальше, местность, окруженная еще одной стеной, ветхой, называется Галата. Там во времена Византии селились европейские купцы, туда и до сих пор причаливают европейцы. Собственно, туда мы и направляемся. Мусульмане слишком праведные, чтобы заходить туда, ибо Галата – оплот развращения и пьянства, куда ни глянь, всюду публичные дома и таверны! А там дальше, за Галатой, вот там, находится султанский двор...

Бельский жадно оглядывал все вокруг. От византийского Константинополя осталось немного – руины разграбленных дворцов базилиевсов да утесненные мечетями православные храмы. Мечети, богатые и величественные, возвышались над невысокими домами горожан. И всюду было оживление на забитых донельзя улочках. Семен никогда не видел такое скопление народа в одном месте. Там чадили дымом мастерские, здесь растянулся шумный базар, где продавали фрукты, овощи, шкуры, шерсть, поодаль – украшения, еще дальше – рабов. Янычары в высоких головных уборах, приставив пицаль к плечу, ходили по городу, следили за порядком. Неимоверная сила и неприступная мощь ощущались в этом городе, означавшем само торжество ислама над христианством...

И здесь Семену надлежало найти помощь в борьбе с его отчизной либо отречься от своих желаний и вернуться в Литву ни с чем – туда, где его не любили и опасались, и на это Семен не хотел и не мог пойти. Только вперед!

* * *

– Слушайте, цари, разумеите! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила – от Всевышнего, Который исследует ваши дела и испытывает намерения! Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божьей...

Отрок, сидя за столом, читал медленно, запинаясь, старался не поднимать глаз, дабы не видеть пристального и тяжелого взгляда матери. Елена вслушивалась в чтение Иоанна и беззвучно проговаривала про себя эти строки наизусть.

– Страшно и скоро Он явится вам, – продолжал мальчик, – и строг суд будет над начальствующими...

– Ибо? – перебила Елена. Иоанн с трепетом взглянул на нее и проговорил наизусть:

– Ибо меньший заслуживает помилования, а сильные сильно будут истязаны...

Улыбка, кою любил и ждал отрок, появилась на лице Елены, она поднялась и поцеловала в его макушку.

Сын рос, и Елена, ревностная православная христианка, уже начала прививать ему любовь к Богу. Вместе с ней он отправлялся в поездки по монастырям, отстаивал долгие службы, читал Священные Писания и учил их наизусть. Через строки, писанные апостолами

и мудрецами, Елена доносила до сына мудрость, решительность, справедливость, воспитывая будущего правителя.

Также Елена привязывала Иоанна к Телепневу. Пока он воевал с Литвой, княгиня рассказывала сыну о героизме Телепнева и все чаще говорила, что он станет верным слугой Иоанна, когда он вырастет и будет править сам.

За это время многое случилось в государстве. Уже строилась под руководством итальянца Петро Малого (со времен Ивана Великого повелось нанимать иностранцев для строительства в Москве) Китайгородская стена с двенадцатью башнями. Где ранее было лишь ограждение частоколом, ныне возводилось укрепление из красного кирпича, надежная и мощная цитадель, способная выдержать осаду и штурм. Кроме Москвы укреплялись другие города и заставы – на это Елена средств не жалела.

Укреплению городов сопутствовала утихающая уже война с Литвой. Война эта, кою Сигизмунд Старый все же проигрывал, выявила уязвимость Литвы и доказала, что Москва отныне сильна, и литовцам тягаться с нею не следует. Сигизмунду до конца его жизни пришлось отказаться от попыток возвращения смоленских земель. Для Москвы это было необходимо – в Казани был свергнут Джан-Али, союзник и ставленник покойного великого князя Василия, и к власти пришел племянник крымского хана Сафа-Гирей, который с первых же дней правления начал свои кровавые набеги, подвергнув истреблению и огню нижегородские земли.

Еленой была доведена до конца начатая еще покойным великим князем Василием денежная реформа. Уходили в прошлое времена, когда каждый удельный князь чеканил свою монету. Москва сталкивалась с повальным мошенничеством, вредившим торговле и экономике, и виной тому монетный хаос, с которым надлежало покончить. В Новгороде, торговом центре всего государства, чеканилась отдельная, более тяжелая монета с изображением всадника с копьем – «копейка». В Москве же на монетах изображался всадник с саблей, и называли их «московками», или «сабленицами», а общее название они получили татарское – «денга». Иными словами, стремившаяся к единству Русь получила наконец единую денежную систему, и в этом одна из главных заслуг Елены, продолжательницы дел мужа и его великого отца.

Была и обратная сторона ее правления. Умер в оковах князь Воротынский, умер дядя Елены, Михаил Глинский. Говорят, он был задушен людьми Телепнева. Умер наконец от голода и лишений дмитровский князь Юрий. Его мертвое, истощенное тело выволокли из темницы за ноги и притащили во двор, где оно еще долго пролежало, прежде чем его унесли. Дмитровское княжество было присоединено к Москве, так как князь не оставил потомков.

В Старице быстро стало известно о смерти Юрия Иоанновича, и князь Андрей впал в бешенство. Мало того, что Елена приложила руку к гибели его родного брата, она не отдала Андрею Иоанновичу часть земель покойного, хотя князь имел на это право. Сначала бешенство, злость, а затем упадок и сильнейшее чувство вины. Выгнав всех, Андрей Иоаннович долго молился у киота, плакал и проклинал себя за слабость, за то, что все эти годы просидел в Старице и даже не попытался спасти брата. Теперь он мертв, и вина эта легла тяжким грузом на плечи старицкого князя.

– Княже! – послышался за спиной тихий, неуверенный оклик слуги.

– Я же сказал, вон все! – полуобернувшись, выкрикнул князь.

– Тебе послание от великой княгини, княже!

Внутри все вздрогнуло, князь вскочил с места и принял из рук поклонившегося в пояс слуги грамоту, обвязанную шнурком с красной печатью. Дрожащими руками сорвал печать, шнурок, развернул, стал читать. Елена звала его в Москву на похороны дмитровского князя, дабы «разделить с нею великое горе» и почтить память новопреставленного. Не помнил, как дошел до кресла, как сел – перед глазами была эта проклятая грамота со сломанной велико-

княжеской печатью. Махнул слуге, мол, выйди вон, а сам сидел в полумраке, перечитывал, убирал от лица, вновь перечитывал.

Поехать в Москву пришлось, несмотря на укоры жены, обвинявшей мужа в слабости. Бояре настояли на том, заверив, что Елена не решится навредить старицкому князю на похоронах его брата:

– Вспомни, княже, чем окончился отказ Юрия Звенигородского приехать на похороны его брата, великого князя Василия Дмитриевича, прадеда твоего! Войною, ибо возжелал великого стола и боялся расправы! Долгой войною, резались не один десяток лет, деда твоего ослепили! Помнили о том еще наши отцы и завещали того не допускать. Езжай в Москву, княже, не губи себя и нас!

Андрей Иоаннович поехал в столицу, встретился с Еленой и ее сыном, безразлично взиравшим на не знакомого ему дядю. Был короткий разговор, который князь даже не запомнил, был тоекратный родственный поцелуй, на службе и похоронах Юрия они стояли рядом, и после того Андрей Иоаннович спешил отъехать. Уезжая, заплакал от бессилия и отвращения к себе. Всю дорогу он, истощенный волнениями, проспал, а по приезду даже не смог поглядеть в глаза жене, читая во взгляде ее немой укор.

– Юрия заморила и тебя не пощадит! – сказала Ефросинья мужу перед тем, как уйти и запереться в своих покоях. Это князь и сам очень хорошо понимал и вскоре, сломленный переживаниями, слег в постель с тяжелой болезнью – на ноге появился смрадный нарыв, от коего умер великий князь Василий. Невольно придворные уже подумали, что Андрей Иоаннович тоже умрет, и готовились к тому, что и Старицким княжеством начнет управлять младенец, его двухлетний сын Владимир. Князь был в беспамятстве, бредил, лекари ежечасно меняли пропитанную гноем повязку на ноге. Ефросинья, стоя у ложа супруга и вглядываясь в его похуевший лик, говорила шепотом:

– Нет, князь, нельзя тебе умирать! Кто же, кроме тебя, бросит вызов этой поганой литвинке? Кто, ежели не ты? Вставай, ну же!

И, кажется, впервые в жизни заплакала.

Осенью вновь пришел казанский хан Сафа-Гирей, и в Москве Елена собирала всех главных воевод и князей, дабы организовать поход против Казани. Был призван и Андрей Старицкий. Он все же победил болезнь, шел на поправку, но не мог и не желал ехать в Москву. Начался долгий и частый обмен посольствами между Старицей и Москвой.

«В болезни отбыл я свои ума и мысли. Согрей по мне сердце милостию! Неужели велит государь влачить меня отсюда на носилках?» – писал князь Елене и просил прислать к нему лекаря Феофила, лечившего когда-то великого князя Василия. Елена отправила старца к Андрею Иоанновичу и велела ему сразу после осмотра больного вернуться в Москву.

И вот Феофил и верные Елене люди вернулись в столицу. Елена принимала их, как всегда, в своих покоях, в присутствии Телепнева.

– Не нашел я у князя Старицкого тяжелой болезни, государыня! – с поклоном докладывал Феофил. – Был нарыв, подобный тому, от которого скончался великий князь Василий Иоаннович, но он уж проходит и к гибели привести никак не сможет!

– Еще, государыня, служилых людей жалует и собирает подле себя, – добавили сопроводители старца, – на землях его военные сборы и суматоха, а сам в постели лежит.

Жестом руки Елена отослала послов, оставшись с Телепневым наедине.

– Жаль, я думал, от болезни помрет, меньше забот было бы! – протянул он с досадой. – К войне готовится, Елена! Того допустить нельзя! Сил мало у нас, не время.

– Ехать сюда не желает, против татар не выходит, силы собирает... – задумчиво протянула Елена и, вздохнув, стиснула пальцами резной подлокотник кресла. – Видит Бог, не хотела я расправы над ним, но без того, видать, не обойдется. Ну, ничего. Подождем покамест. Подождем!

Глава 5

Семен Бельский прибыл в Крым в апреле 1537 года с большим обозом, где лежали дары хану и его мурзам. Он был горд собой, ибо уже не сомневался в успехе своего дела. Посвежевший и сияющий, он был одет в цветастые турецкие одежды, к поясу его прицеплена сабля с камнями на ножнах и в рукояти, подарок султана...

Сулейман Великолепный, едва узнав, что к нему приехал некий знатный беглец из Московии, велел тут же его привести. Бельский, измученный дорогой, поросший волосами и бородой, пришел к султану и поведал ему свою историю, что он наследник Рязанского и Белого княжеств, что бежал из-под власти московского князя и теперь ищет союзников для борьбы с ним, но нечестивые европейцы предали Семена, и беглец был вынужден обратиться к величайшему и справедливейшему правителю, царю царей Сулейману Великолепному. Султан охотно поверил в эту историю и тут же отправил одну грамоту королю Сигизмунду с просьбой помочь «достойному мужу», а другую он вручил самому князю, сказав, дабы он отправлялся в Крым к хану Сахиб-Гирею и вручил ему сие послание. Сулейман проявил свою щедрость – подарил Семену новые одежды, саблю, велел собрать ему в дорогу целый обоз даров для хана, позволил отдохнуть, отведать угощений и даже развлечься с рабынями. Все это Семен принимал с великим удовольствием, дивясь роскоши дворца султана, любясь высокими сводчатыми покоем, украшенными мозаикой. Здесь было спокойно, свежо и прохладно, чадившие в серебряных курильницах благовония дурманили и клонили в сон, рабыни, собранные со всех уголков мира, были покорны и услужливы. Как хотелось остаться здесь навсегда, до конца жизни лежать в мягких подушках с одной или двумя девушками сразу, слушать приглушенное журчание фонтанчиков, есть дивные сахарные плоды и ловить отдаленные пения муэдзинов, призывающих всех мусульман к молитве.

Но нужно было уезжать. Семен, распрощавшись с султанским двором, не без сожаления покидал Константинополь и плыл на турецкой галере в Крым. Семена сопровождал небольшой вооруженный отряд турецких конных воинов, за всю дорогу не произнесший ни слова. Приближалось крымское побережье с возвышающимися вдали горами, жаркое, пыльное. Семен с тоской подумал, что там, за морем, остались самые лучшие мгновения его жизни.

Молчит степь, шумит лишь сильный, холодный ветер, дующий с моря. Еще только апрель, но солнце уже припекает, высушивает еще не успевшую созреть траву. Почва пыльная, каменная. Семен едет в обозе, щурясь, поглядывает на молчаливых турецких всадников и обдумывает, как будет вести себя при встрече с ханом. Порой вспоминает темноглазую, черноволосую рабыню, пленившую его незадолго до отъезда. С ревностью воображал себе, что она так же ублажает кого-то, пока он здесь, еще думал, что, как только завершит свое дело, вернется в Константинополь, отблагодарит султана и выкупит эту чаровницу. Но все это так нескоро...

Неведомые всадники вышли неожиданно из-за кургана, и Семен невольно подумал, что за ним выехали люди хана, дабы встретить его. Предводитель турецких всадников заметно насторожился и остановил обоз. Что-то пролетело со свистом откуда-то сбоку, и Семен, краем глаза увидевший, как стрела пробила голову одному из всадников, почувствовал, что его обрызгало чужой кровью. Турки подняли воинственный клич, предводитель пытался организовать оборону, но вскоре сам был выбит из седла несколькими стрелами. Пораженные лошади, заваливаясь, жалобно ржали. Семен, схватив обеими руками драгоценную саблю, соскочил с возка и спрятался под ним. Он слышал лишь, как мечутся и кричат его проводники, как с коротким и резким стуком в возок врезаются стрелы. Потом все смолкло. Притаившись, улавливал шелест травы, переговоры на татарском, приближающиеся шаги. Под обоз заглянул татарин в овчинном тулупе. Усмехнувшись трусости Семена, велел ему вылезать. Выйдя из-

за обоза, Семен увидел многочисленный конный татарский отряд – кто был в легких доспехах и меховых шапках, кто в оборванных, засаленных шкурах. Неподалеку, среди воткнутых в землю стрел, в высокой траве недвижно лежали турецкие воины и их лошади. Двое татар уже осматривали убитых, добивали раненых копьями.

– Встань на колени перед ханом! – услышал Семен требование (благо татарский он немного знал). Еще не разглядев, кто здесь хан, он уже упал на колени и стал озираться. На коне выехал полный татарин в лисьей шапке, с короткой узкой бородкой, в цветастом халате, надетом поверх кольчуги. С усмешкой оглядывая князя, спросил:

– Слышал ли ты о хане Исляме?

– Слышал, когда пытался он отобрать ханский престол у своего дяди, хана Саадета, с которым часто ходил в набеги на русские земли...

– Ты слышал обо мне, теперь поведай о себе, урус в турецкой одежде!

Семен незамедлительно рассказал все то, что говорит всем правителям, встречавшимся на его пути. О том, кто такие Бельские, Ислям прекрасно знал, ибо Дмитрий Бельский часто возглавлял рати, бившиеся с крымцами.

– Садись на коня и следуй за нами! И не вздумай убежать, у меня меткие лучники, как ты уже понял, – приказал Ислям и развернул коня. По пути Семен осознавал происходящее и понял, что его ждала здесь засада. Неужели султан обманул?

Они прибыли в Перекоп⁶, северный город Крыма, укрепленный массивными стенами и рвами. Город был многолюдный, грязный, воняющий кизяком, пылью и навозом. Ислям до конца оставался степняком и жил в просторном шатре под городом, не признавая низких каменных зданий, по подобию которых мог построить себе дворец.

Он и Семен, сидя на коврах, поджав ноги, ели руками из большой миски жареное жирное мясо и пили кумыс. У ног Исляма лежала грамота султана для Сахиб-Гирея, скомканная и испачканная.

– Я должен был стать крымским ханом! Я! Но султан Сулейман сделал правителем моего дядю, Сахиба! Справедливо то, что я начал борьбу против него! Но силы мои немногочисленны, и он это знает, так что Ор-Капы – единственный шанс выстоять. Север Крыма не подчиняется Сахибу и не подчинится до тех пор, пока я жив! – размахивая вымазанными жиром толстыми пальцами, кричал Ислям. Семен молчал, кусок не лез в горло.

– Ты вез дары беям и мурзам моего дяди, но и мои подданные нуждаются в дарах. Саблю тебе вернут, ибо ты не пленник здесь, а гость. Но позже! – успокоившись, продолжил мятежный царевич.

– Милость твоя безгранична. – Семен склонил голову.

– Я понял, что ты хочешь биться против своего законного правителя, московского коназа, тебя поддержал султан и поддержит по его приказу Сахиб. Польский король не пойдет на это, мне говорили, Литва хочет мира с Москвой после тяжелой войны. Сигизмунд не будет проливать за тебя кровь своих людей. Так знай, что и я не буду, ибо тоже хочу мира с Москвой. Понял, нет? Вместе с твоим великим коназем мы разобьем Сахиба!

Бельский молча смотрел в узкие глаза Исляма, чувствовал, как в нем закипает гнев. «Нет, не может же он сидеть здесь до скончания века! Сахиб-Гирей обязательно разобьет тебя, глупый мятежник, и после вместе с ним я пойду с великим походом на Москву!»

Ислям, отрыгнув, обтер об широкий халат жирные руки. Семен, дабы не глядеть на него лишний раз,пил кумыс из чаши, опустив в нее глаза.

– А ведь ты такой же, как я, коназ Бельский! – усмехнулся вдруг Ислям. Семен, едва не поперхнувшись, отставил кумыс. – Только слабость твоя в том, что ты чужими руками хочешь добиться своего, пытаясь услужить врагам Москвы! – Ислям взял грамоту Сахибу и потряс

⁶ Татары называли его Ор-Капы.

ею в воздухе. – Так вот, ничего из этого не выйдет! Собрал бы ты, подобно мне, верное тебе войско и отбил бы Рязань сам! Тебя бы уважали! С тобой бы считались! А сейчас я вижу лишь лживого хитреца, похожего на гадкого змея! Иди отдыхай, коназ Бельский, жди, когда я призову тебя снова!

«Посмотрим, как исполнится задуманное тобой!» – подумал Бельский, покидая ханский шатер. Его поселили в небольшой палатке, к которой приставили стражу. Пожилой татарин по имени Булак должен был быть всегда подле Семена, выполняя роль то ли слуги (что вряд ли), то ли надсмотрщика. Молчаливый и суровый, он мало говорил с Семеном, тихо приносил еду и уносил посуду.

Так в тяжелом ожидании и бездействии проходили дни и недели. Ислям редко сидел в лагере, отправлялся в набеги, затем возвращался вновь, но больше не призывал своего «гостя».

Однажды Булак принес Семену какую-то грамоту, сказав, что сам хан велел принести ее. Схватив грамоту, Бельский начал судорожно оглядывать ее, сразу заметив печать московского князя. От имени малолетнего Иоанна, конечно, писала Елена, звала Семена в Москву, обещая прощение и жалованье великое, поминала, что в ранние годы знатные бояре и князья «отъезжали» в Литву, но всякий раз возвращались в Россию и дальше ей служили без опаски. Семен, усмехнувшись, свернул грамоту. Он-то прекрасно понимал, что время таких «отъездов» кануло в Лету, и младший Бельский в Москве – не кто иной, как изменник, коего ждет там, в лучшем случае плаха.

– Еще! – сказал вдруг Булак, твердо глядя в глаза Семену. – Того не должен я говорить, но знаю, что скоро сюда придет сам хан Сахиб, и не сносить нам всем головы. Ты же ему нужен. Возьми меня служить тебе дальше, выгороди перед ханом, дабы сохранил он мне жизнь! За то буду исполнять все твои поручения!

Семен сначала насторожился, почувствовал подвох, и решил проверить татарина.

– Узнай, что говорят обо мне при хане Исляме!

– Мои глаза и уши – твои глаза и уши! У меня много способов узнать о том! Жди!

И уже через два дня Булак докладывал, что хану пришли дары от московского князя да грамота, в коей его просили отправить Бельского в Москву – живым или мертвым. Тогда почему-то Семену показалось, что Булаку можно верить. Знать все это было мучительно страшно, со дня на день Семен ждал гибели, перестал спать и есть, осунулся и ослаб, но Ислям, видимо, не торопился избавиться от столь значимого для многих правителей пленника.

Проходило жаркое лето, начались осенние дожди, небо, темнея, тяжелело, с моря дули пронизывающие холодные ветра. Наступил ноябрь. И тогда в лагерь Исляма под Перекопом прибыл встревоженно кричащий всадник, оповестивший, что сюда с ногайскими войсками идет бий Баки. Ислям большую часть войска до того отправил на юг, противостоять наступающему хану Сахибу, и остался с малыми силами. Он сразу объявил, что Баки – прихвостень Сахиба и нужно во что бы то ни стало отбить его нападение.

– Вдвоем мы не уйдем, Ислям не даст мне этого сделать! Беги, беги к хану Сахибу и расскажи ему все то, что здесь случилось! Надеюсь на то, что меня возьмут в плен! – наставлял Семен Булаку. Старик молча кивнул и покинул палатку. Семен вышел следом, увидел, как с криками мечутся туда-сюда воины Исляма, звенит оружие, ржут кони. Ислям, большой, в мехах, сидит на жеребце, что-то выкрикивая. И вот, вдали уже показались всадники в папахах, в просторных и длинных бешметах, изгвазданных грязью. Наречие их было незнакомо Семену, лица темнее, чем у татар, глаза преимущественно узкие, как у степняков. Со страшным гиканьем, вырвав сабли, ножи, подняв копыя, они лавиной неслись на лагерь Ислям-Гирея, воины которого уже начали метко пускать стрелы. Сам мятежный царевич вынул из ножен сверкающую саблю и повел своих воинов навстречу врагу. После короткой свалки с полными ужаса криками «хан убит» татары бежали прочь, ногайцы преследовали их. Семен, поняв, что Исляма

больше нет в живых, подумал о том, что пришло время покориться новым победителям. Он встал на колени и вскинул руки, вновь всецело доверяясь своей судьбе...

* * *

Апрель 1537 года. Старица

– Беда, княже, – устало, на выдохе проговорил сын боярский Сатин, упав на колени перед Андреем Старицким. Князь едва только встал с ложа, разбуженный тревожными криками, и теперь сидел в кресле, накиннув на плечи просторный татарский халат.

– Боярина Палецкого, коего ты послал в Москву, схватили сегодня у села Павловского. Лишь мне удалось бежать, дабы доложить тебе, княже, об этой крамоле.

– Кто? Кто это был? – задал князь глупый вопрос, на который он и так знал ответ.

– То люди государыни Елены Васильевны были!

Ратники, стоявшие у кресла и в дверях, в ожидании глядели на князя. Он велел накормить Сатина, а сам, выгнав всех, начал мерить шагами светлицу, подходил к окну, безмолвно глядел туда, снова отходил. Думал.

После похорон Юрия Дмитровского он так и не появился в Москве. В начале сего месяца прибыл от Елены Борис Щепин, передал приказ великого князя – нужно было собрать все полки с земель Старицкого княжества и выслать под начало Дмитрию Бельскому в Коломну, где стояли силы для борьбы с Казанью. От этого шага князя отговаривали некоторые из бояр, жена, мол, защищать княжество некому будет, и Телепнев беспрепятственно войдет в Старицу. Но князь выполнил этот приказ, надеясь, что так заверит Елену в верности. Теперь же арестован боярин, коего он отправил с посольством в Москву. Лучшие воеводы и все полки старицкие уже стоят под Коломной, собирать некого. Лучшего мгновения не будет, дабы покончить с Андреем Иоанновичем, он это хорошо понимал.

Переодевшись, князь вызвал своих бояр. Здесь Кирилл Пронский, Иван Оболенский, Иван Умной-Колычев и другие. Все опытные, зрелые мужи, богатые и почетные. И им не хотелось лишаться боярского сана, становиться при московском великом князе холопами, дворянами, как это случилось со всеми, кто из уделов перешел на службу в Москву. Их устраивал и князь, и то, что они управляли хоть и не всей державой, но княжеством, на территориях которого имели свои земли.

– Елена мир с Литвою заключила, теперь и за нас взялась! – сетовали со злобой бояре.

– Ратников увела и нынче бояр наших под стражу берет!

– Измена! Бесчинство!

Поняли, что нет иного выхода, как собирать оставшихся воинов. Вооружали холопов, находили старых воинов и тех, кому еще только предстояло идти на службу. Дни проходили, едва успев начаться. Тревожно били колокола Успенского монастыря.

– Что там, мамо? Что там? – выглядывая в окно и наблюдая страшную суматоху, спрашивал с интересом четырехлетний княжич Владимир. Ефросинья взяла его на руки, отнесла от окна, ничего не ответив.

– А где тата? – продолжал вопрошать мальчик.

– Тата собирается на войну, – коротко ответила Ефросинья, не испытав при этих словах ни гордости, ни страха, словно уже смирилась с грядущей судьбой. Понимала она, что сил противостоять Москве нет и князь обречет себя и семью свою на гибель, ежели не убежать в Литву.

Спустя неделю несколько сот ратников были готовы к выступлению. Андрей Старицкий, облаченный в кольчугу и панцирь, с надеждой взирал на свое немногочисленное воинство, понимая, что ему поможет лишь чудо. Некоторые из бояр предпочли почету и сану жизнь –

так боярин Ростовский, надеясь с помощью предательства выслужиться, тайно отправил гонца в Москву с вестью, что старицкий князь собирает ратников и хочет бежать.

На воеводском совете царит напряжение. Доложили, что к Старице движутся из Москвы два полка, и день назад они уже были на Волоке.

– Уходить надо, княже! – напрямую говорили бояре. – Старицу нам не удержать...

– В Литву аль в Новгород!

– Новгород, чай, рад будет снова от Москвы отойти! Пошлем гонцов к ним впереди себя, дабы ворота открыли тебе тотчас!

Все понимали, каковы отношения между Новгородом и Москвой, и решили, что Новгород – единственный кроме Литвы путь к спасению. В тот же день от Андрея Старицкого новгородским дворянам были отправлены послания:

«Великий князь мал, держат государство бояре, и яз вас рад жаловать...»

В суматохе и шуме собирался двор. Набивали сундуки ненужной рухлядью, грузили их в возки и телеги, собирали обоз. Народ на улочках слезно глядел на это бегство, из толпы кричали:

– На кого оставляете нас? Москвичам на поругание оставляете! Ой, горе! Наказал Господь!

Вереница ратников во главе с боярами и князем выходила из города, все крестились, оглядываясь на Успенский собор. Лихой люд, как только ушли ратники, принялся грабить княжий двор.

– Матунька, а куда мы едем? – лежа головой на коленях Ефросиньи, спрашивал Владимир, сладко и безмятежно позевывая – мальчика укачало в возке.

– До Новгорода две недели пути, княже! Не успеют за нами московские полки! – говорили воеводы, ехавшие рядом с конем Андрея Иоанновича. Острроверхие шишаки их блестели на солнце, как и вычищенные до блеска кольчуги.

– Ежели обоз бросим, быстрее пойдем, – предположил Оболенский.

– Не бросим! – злобно ответил Андрей Иоаннович. – Реже привалы будем делать!

Тогда же среди детей боярских прошел ропот, мол, из-за сундуков и ларцов с рухлядью положим головы свои, и в ту же ночь лагерь, что стоял под Торжком, покинули первые перебежчики. Товарищи, оставшиеся с князем, не осуждали их и не выдавали, ибо в душе понимали все – дело было гиблое и не каждый готов был за него отдать свою жизнь.

А тем временем в Старицу доставили письмо митрополита, пришедшее слишком поздно. Митрополит Даниил, верный слуга Елены, писал в послании: «Слухи до нас доходят, что хочешь ты оставить благословение отца своего и прародителей своих гробы, и святое свое отечество, и жалование великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, жалование и любовь государыни, великой княгини Елены, и обещание им в верности; помысли, сможешь ли ты столько найти, сколько можешь потерять. Хочешь стать против государя и всего закона христианского? Ты бы те лихие мысли оставил, божественных законов не рушил. Поехал бы ты к государю без всякого сомнения, а князь великий послал к тебе Дософея, владыку сарского и поддонского».

Дософею некому было передать сие послание и слова Даниила, и он вернулся в Москву ни с чем.

Тем временем в Коломне, где стояли высланные старицким князем полки, стало известно о бегстве Андрея Иоанновича и приближении к Старице московской рати. Юрий Андреевич Оболенский, пожилой и дельный боярин Андрея Иоанновича, узнав, долго молился пред иконами, кланяясь до пола. Его младший брат, друзья и близкие уходят вместе с князем, да, видать, с малыми силами, а за ними по пятам движется с большим войском сам Телепнев. Времени раздумывать не было, и Юрий Андреевич твердо решил, что поднимет своих ратников и, ежели пойти в обход Москвы, можно за несколько дней догнать Андрея Иоанновича.

– Буди всех наших, собираемся в путь! Надобно до рассвета выступить! – приказывал он своему слуге и вскоре сам уже облачался в панцирь. Все слуги были заняты сборами, потому князь одевался сам. Прицепив саблю, застыл на мгновение, подошел к углу с иконами, торопливо перекрестился, задул свечи. И уже хотел было выходить, как услышал за дверью, где стояла стража, какую-то возню, звуки борьбы и тут же застыл, приготовившись вырвать саблю. Дверь отворилась, и в горницу вступили три ратника с копьями, а с ними сам Дмитрий Бельский, облаченный в кольчугу.

«Ну вот, кончено все!» – пронеслось в голове Юрия Андреевича.

– Отложи саблю, князь! – грозно произнес Бельский.

– Стражников моих побили? – озираясь, словно затравленный зверь, спросил Оболенский.

– Не побили, повязали просто, – отвечал Дмитрий Федорович, – слышал, ратников своих собираешь, выступить хочешь на север?

– То правда, лгать не стану, – гордо выпрямившись, с достоинством отвечал Юрий Андреевич.

– Ведаешь, что полагается за то?

– Ведаю. Но в стороне не останусь. Слышал же ты, Дмитрий Федорович, что старицкий князь, господин мой, ушел со своих земель, а за ним Телепнев с ратью великой идет. Так что верность своему господину я сохранил. А ежели препятствовать мне станешь, силой прорвусь...

– Это измена великому князю! Вот кто твой господин! – с гневом выкрикнул Дмитрий Бельский.

– Измена великому князю иль Телепневу? – прищурился старый боярин. Бельский молчал, широко раздувая ноздри на своем мясистом носу.

– Князь! Пойми меня, там наделы мои, там дом мой, семья, там служба! – глядя Бельскому в глаза, мягко и устало молвил Оболенский. – В отряде, что ведет старицкий князь, один из воевод – мой младший брат Иван... Могу ли я остаться в стороне и взирать покойно на гибель их? У тебя тоже есть братья, должен ты понять меня, князь!

Бельский опустил голову, сдвинув брови.

– Должен понимать ты, Дмитрий Федорович, что общий враг у нас и нынче он идет против господина моего. Он же бросил в темницу брата твоего, а ты служишь ему!

– Я Москве служу! Служу родине! – вспыхнул тотчас Бельский. Юрий Андреевич молчал, все ища что-то в его глазах.

– Тебе дам уйти. И холопам твоим, – холодно и твердо говорил Дмитрий Федорович. – Ратников не отдам, ибо, ежели уйдут они, кто против татар стоять будет? И знай, я отправлю погоню за тобой и доложу о том в Москву. До рассвета еще есть время...

И, развернувшись, вышел со своими воинами из темной горницы. Оболенский выдохнул, перевел дыхание и, оправившись, направился к дверям...

Некоторые из ратников, также преданно верные старицкому князю, сумели уйти вместе с Оболенским и его отрядом. Безмолвно тронулись, с ходу погнав лошадей. Когда отскакали на значительное расстояние от Коломны, Оболенский остановил отряд и, развернувшись к ратникам лицом, крикнул:

– Ныне совершаем мы благое дело, сохраняя верность господину своему! Обоза у нас нет, привалы будут короткими! Идти будем быстро, лошади запасные есть, так что не медлить! Пойдем в обход Москвы на Новгородскую дорогу. За семь-восемь дней догоним князя Андрея Иоанновича! Храни нас Бог!

Заалело рассветное небо, и ратники молча взирали на восходящее солнце. Оболенский перекрестился, сняв шлем и опустив голову. Его примеру последовали и прочие. Наверняка в Коломне уже подняли тревогу. Нужно было торопиться...

Андрейка Валув уже чувствовал, что захлебывается, думал, вот сейчас кончатся мучения, но сильная рука сына боярского Каши Васильева вытянула его из воды, и Андрейка с громким хрипом вдохнул воздух. С берега реки наблюдали за этим неподвижно князь Старицкий и его воеводы.

– Ну, скажешь, кто убежал из лагеря с тобой сегодня? Ну? – кричал полуживому Андрейке в лицо Каша Васильев, стоя по пояс в воде и держа избитого Валувца за волосы.

– Скажу! Скажу! Всех назову! – задыхаясь и запинаясь, отвечал Андрейка. Его потащили на песчаный берег, бросили лицом вниз. Андрей Старицкий молча развернулся и медленно направился вдоль берега. Каждый день его отряд редет, а до Новгорода еще неделя пути!

Тихая, широкая река Цна безмятежно блестела на солнце, на редких березах и липах, растущих на курганах и лугах, уже появилась зелень, свежая трава влажна от росы. Вспоминал князь, как в детстве любил весну и мог подолгу в задумчивости смотреть на гладь реки, сидя на влажной траве, рядом с матушкой, Софьей Фоминичной... Как он хотел бы и сейчас спокойно любоваться своей землей! Но возможность спокойной жизни и умиротворения это у него забрали. И кто забрал? Литвинка из безродной семьи, якобы восходящей к темнику Мамаю! Она забрала его свободу, удел, власть, забрала все, кроме самой жизни! Князя душила злоба, быстро сменявшаяся страхом за будущее его людей, за будущее семьи.

– Княже, он всех назвал. Семь ратников сбежало ночью, – услышал Андрей Иоаннович голос боярина Колычева и обернулся. Воеводы стояли рядом, в ожидании глядели на князя.

– Что делать станем? Вызвать бы, кто еще помышляет сбежать, – предложил Иван Оболенский.

– Не нужно, – покачал головой Андрей Иоаннович, – ежели сейчас расследовать начнем, задирать всех, кто с нами останется?

Воеводы нехотя согласились с князем.

– А с этим Андрейкой что делать? – спросил Пронский. Князь пристально поглядел на него и безмолвно двинулся дальше вдоль берега. Бояре понимающе кивнули, подозвали двух ратников, и вскоре злополучного Андрейку задавили и бросили в реку.

– От новгородцев слышно что? – тяжело влезая в седло, спрашивал Андрей Иоаннович.

– Ничего пока, княже, – ответил Колычев.

– Нам бы дать людям отдохнуть, переход долгий был, лошади истощали уж, – предложил Пронский.

– Завтра будем у Дегунино. Там можно встать, местность хорошая, лесистая. Река рядом тоже есть, – добавил Оболенский.

– Встанем там, – согласился Андрей Старицкий, – ибо пока новгородцы ответа не пришлют иль не выйдут навстречу нам, не стоит туда идти.

– Княже, время теряем, Телепнев ждать не станет! – шепнул Колычев.

– Не успеет, несколько дней у нас все равно есть, – ответил Пронский.

В Дегунино на следующий день они встали лагерем, дабы восстановить свои силы и силы лошадей. К тому же неожиданно заболел княжич Владимир. У мальчика был жар, он лежал в крытом возке, укутанный толстой овчиной, трясся от лихорадки. Ефросинья ни на шаг не отходила от сына. С мужем же за все время похода не обмолвилась ни словом, замечала, как он глядит издали на нее, и тут же отворачивалась.

Усталость свалила ратников и воевод – беззаботно они лежали вповалку на лугах, словно убитые. Тлели костры, грелись чаны с варевом, лошади стояли с надетыми на морды торбами, хрустели овсом. Лишь князь сидел недвижно в своем шатре, скрытый от посторонних глаз, изможденный, спавший с лица от бессонных ночей, осознававший понемногу, что обречен. Куда везет свою семью, двор, ратников, бояр? Что ждет их?

– Мне не оставили выбора, как я мог сдаться им? Сдаться, как Юрий? – говорил князь сам себе, туманно глядя перед собой.

Шли дни, вестей из Новгорода все не было, московские войска все ближе. Было принято решение снять лагерь и двинуться дальше. Князь надеялся, что сыну в дни привала полегчает, но мальчик не выздоравливал, а оставаться здесь больше было нельзя. С каменным ликом, стиснув зубы, Андрей Старицкий взмыл в седло и повел войско за собой. Едва тронулись, кто-то из ратников крикнул, тыча в сторону обратной дороги:

– Братцы, смотрите, кто за нами пожаловал!

Вдали показался приближающийся конный отряд. Воеводы жестами приказали ратникам готовиться к нападению, молниеносно конница выстроилась в боевом порядке, из-за стволов деревьев и бугров выглядывали стволы пищалей. Иван Оболенский настороженно вглядывался в сторону незнакомых ратников, а затем лицо его озарилось улыбкой, и он крикнул с великим счастьем:

– Князь! Бояре! Это же брат мой, Юрий! Это его воины!

И правда, впереди отряда увидели Юрия Оболенского, устало качавшегося в седле. Лошади с пеной на мордах и шеях с трудом везли всадников, спотыкаясь, ратники едва сидели верхом, клонили головы. Радостный клич подняли воины старицкого князя, увидев приближение союзников. Осчастливленный вышел вперед Андрей Иоаннович. Юрий Оболенский остановил отряд, тяжело слез с коня и на непослушных ногах стал приближаться к ждущему его князю.

– Здравствуй, Андрей Иоаннович. Едва узнали обо всем, выехали следом, – доложил Оболенский, сняв с мокрой головы шлем и утерев пыльное лицо. Старицкий князь со слезами на глазах обнял его и троекратно расцеловал в обе щеки.

– Храни тебя Господь, Юрий Андреевич! Нет вернее тебя слуги!

Дав немного отдохнуть отряду Оболенского, войско, ощутив мощный подъем боевого духа, продолжило свой путь на Новгород.

Через два дня в Яжелбицах князь ждал лазутчиков, собрались все воеводы выслушать последние известия о Новгороде.

– Княже, идти туда боле нельзя, – докладывали они, тяжело и устало взирая на Андрея Старицкого, – едва прослышал Новгород, что ты идешь на него, стал готовиться к обороне, а навстречу тебе выслали большое войско князя Бутурлина. Он заслоны пушками поставил на всех дорогах...

– Неужто никто во всем Новгороде не желал встать на нашу сторону? – вопрошали бояре.

– Многие желали. Но по приказу Телепнева они были схвачены и повешены за предательство великого князя и великой княгини – все до одного.

Воеводы молчали, глядели друг на друга и на князя. Андрей Старицкий сидел, желваки ходили на его похудевших щеках, руки, покоящиеся на коленях, била мелкая дрожь. Это был конец. Новгород не пустил его, путь на север перекрыт войском Бутурлина, а сзади напирает московская рать. Понимали, что остался один только путь – в Литву, но князь не поддерживал эту идею. Однако от Новгородской дороги войско свернуло на запад, к Старой Руссе, боясь попасть в кольцо.

Три дня, словно затравленный заяц, старицкий князь петлял, не решаясь выступить ни против новгородцев, ни уйти в Литву. Ратники его падали духом, но воеводы как могли сохраняли дисциплину в войске.

Наконец, шестнадцатого мая в Тухолях сторожевой полк боярина Колычева столкнулся с передовым полком войска Телепнева. Завидев издали московские стяги, Колычев велел занимать оборону, носился на взмыленном жеребце из стороны в сторону, раздавая приказы.

– Скачи к Андрею Иоанновичу, доложи, чтоб стягивал сюда все силы, москвичи здесь! – крикнул он одному из ратников, а сам глядел, как разворачивается для борьбы московский полк. Звучали сигнальные рожки, слышались крики приказов. Конница выстраивалась в боевом порядке, устанавливались пушки, ставились укрепления с бойницами для стрелков. Один за другим протрещали пищальные выстрелы с их стороны. Пороховой дым, клубясь, облаками рассеивался по воздуху. Ударили в ответ пищали и со стороны старицкого войска.

– Не хотят драться, – догадался тут же Колычев, – запугивают!

Но перестрелки продолжились, воевода слышал, как, шипя и свистя, мимо пролетали пули, увидел, что нескольких его бойцов убило. Еще несколько лежали в траве, удерживая руками кровавые раны.

Затем все смолкло. Прибыл старицкий князь со всем войском, бледный, растерянный, доклады воевод слушал рассеянно, а когда ему показали убитых ратников, уложенных в общую яму, промолвил, кусая губы:

– Да... да...

Московское войско стягивалось и росло, и вскоре стала очевидна бесполезность борьбы. А ночью стало известно, что сбежал нынче боярин Пронский, сбежали несколько княжеских слуг, значительно поредело число ратников. Обдумав все, Андрей Старицкий приказал отправить посла к москвичам, заявив, что желает переговоров. Об этом он рассказал своим воеводам. Молчаливым и тяжелым был этот военный совет. Князь благодарил воевод за верность, говорил о нежелании проливать понапрасну кровь своих подданных и поведал о том, что желает вести переговоры. Бояре безмолвствовали, многозначительно переглядывались друг с другом и кивали.

Белый шатер был установлен у московского лагеря. Значит, Телепнев согласился говорить. Андрей Старицкий, облаченный в кольчугу и панцирь, прямой и гордый, провожаемый сотнями глаз, направился в сторону вражеского лагеря в одиночку, отказавшись от стражи. Лишь на одном взгляде он задержался – издали на него глядела Ефросинья, глядела пусто, с жалостью, видать, плакала всю ночь. И ей князь не показал слабости, отвернулся, продолжив свой твердый и уверенный шаг.

Два московских ратника с каменными лицами пропустили князя в шатер. Телепнев сидел на ковре, по-татарски подогнув ноги в великолепных сафьяновых сапогах, шитых камнями. На нем была зеленого бархата ферязь, надетая поверх кольчуги, на коленях лежала обнаженная сабля. Он тяжело, с презрением глядел на старицкого князя. Пригласил сесть напротив. Кряхтя, Андрей Иоаннович сел на ковер, откинув полы меховой ферязи и оставив саблю. Какое-то время напряженно молчали, глядя друг на друга.

– Говори же, – прервал молчание Телепнев. Собравшись с мыслями, старицкий князь начал:

– Ведаю, что согрешил, отступил от клятвы в верности великому князю, но более воевать не хочу...

Замолчал, борясь с чувством унижения, опустил глаза.

– Хочу же сдать на милость великого князя и великой княгини...

Телепнев усмехнулся краем губ, тянул с ответом, обдумывал что-то.

– Есть одно условие! – внезапно заявил Андрей Иоаннович. – Пусть великий князь смилостивится над теми, кто поддерживал меня, позволит им служить дальше. Семью же мою содержать с почетом, как близких родичей...

– Я с изменниками сделок не заключаю! – гневно ответил Телепнев.

– Мой сын болен! Не желаешь смилостивиться надо мной, пожалей отрока! А меня пушай судит великий князь и митрополит! – подался вперед Андрей Старицкий. – А ежели хочешь битвы, то я соглашусь на то, и сколько мужиков останется здесь навсегда, сколько крови прольется? Вся кровь эта будет на нас – на тебе и на мне.

Телепнев молчал. Видно было, не хочет и он проливать кровь...

Еще долго длились их переговоры. Наконец, Телепнев, обещая князю прощение великой княгини, принял его условия, и старицкий князь, сдавшись, согласился ехать в Москву. Когда перемирие было заключено, Телепнев показательно вложил свою саблю в ножны.

Вскоре к ногам его коня со звоном падало оружие сдавшегося войска и стяги Старицкого княжества...

– Как смел ты обещать ему мою милость! Как! Без моего ведома и позволения! – Крик Елены разносился по всем коридорам великокняжеского терема, глаза ее сверкали в страшном гневе. Телепнев, сокрушенный, стоял перед ней на коленях.

– Токмо во благо тебе, государыня! Ведь привел я его, как ты велела! Ни единой капли крови не пролил! Иначе как бы я его заставил к тебе приехать? – И потянулся Телепнев поцеловать ее руку, как получил звонкую пощечину:

– Пошел вон! Холоп! И не смей являться ко мне, пока сама не позову, пес!! Забыл свое место!

Телепнев, сверля Елену холодным взглядом, поднялся с колен и, покинув покои, с грохотом закрыл за собою двери.

Гнев ее был вполне объясним. Утром Елене доложили, что Ислям-Гирей, на союз с которым она рассчитывала и в руках которого был Семен Бельский, убит, а князь-изменник захвачен ногайцами и увезен ими в Астрахань. Говорят, Сигизмунд Старый и Сахиб-Гирей уже намереваются выкупить его. Надлежало и Москве выдвинуть свою цену.

Бояр, что поддерживали старицкого князя, бросили в темницу, заковав в кандалы, как и самого князя, причем его посадили туда, где сидел в заключении и умер его брат Юрий. Ефросинью и Владимира заперли в дальних покоях с решеткой на окнах, старицкий удел присоединили к Москве. Ратников, что были в войске Андрея Иоанновича, били кнутом и приговорили к смерти. Их всех повесили вдоль Новгородской дороги, оставив трупы на растерзание птицам и зверям. Но и после этого следование шло еще долго, искали виновных даже там, где они и не могли быть...

Опале и заключениям подверглись и родственники бунтовщиков. Так, боярин Степан Иванович Колычев, родственник Ивана Колычева, воевавшего в старицком войске, подвергся гонениям со всей своей семьей. Его уже арестовали и пытали правду, теперь в опасности был его сын, двадцатилетний Федор, выросший при государевом дворе.

Федор из сеней слышал всхлипывания и причитания матери. Выли дворовые девки, жалобно скулил цепной пес. Федор перекрестился, с опаской зачем-то взглянул в окно. Бросился в свою горницу, где прошло его детство. Осмотрел многочисленные иконы, стоявшие всюду – любовь к Богу привила религиозная матушка. Тяжело стало на душе при мысли о том, что придется покинуть и отчий дом, и родную Москву. Иного пути нет, ибо со дня на день придут и за ним – он точно знал. С юных лет Федор подумывал о том, чтобы уйти в монастырь и посвятить свою жизнь Богу. Он намеревался сделать это втайне от родственников, теперь же скрывать не перед кем. «Прости, матушка, что оставляю тебя!»

Когда стемнело, он надел холопские лохмотья, отрезал себе краюху хлеба, завернул в тряпье, аккуратно сложил в котомку. В последний раз оглядел горницу, перекрестился и стремительно вышел. Шел быстро, не оглядываясь, боялся, что передумает. Еще больше он боялся, что его поймут сторожевые, примут за беглого холопа и схватят. А там темница, кнут и жизнь в неволе. А ежели еще узнают, что сын опального Степана? Скорее, миновать заставы и выйти из города! Дай сил, Господи!

Так, Федор Колычев, всецело доверив Богу свою жизнь, покинул Москву и ушел на север, тем самым начав предначертанный ему великий жизненный путь...

К концу года гонения и аресты прекратились, Москва успокоилась. И к началу этого затишья все узнали о смерти старицкого князя. Говаривали, Андрей Иоаннович умер от болезни и «старости тела», но никто не знал, что в темнице, в неравной борьбе, он был задушен людьми Телепнева. Вскоре «бунтовщика» и «крамольника» похоронили в Архангельском соборе, рядом с могилой его брата, Юрия, словно Елена укладывала в аккуратный ряд поверженных соперников...

Торжество Елены было испорчено вестью о том, что Семен Бельский снова ускользнул из ее рук – у ногайцев его выкупил враг Москвы, крымский хан Сахиб-Гирей...

Глава 6

Маленький Иоанн и не догадывался о тягостном положении его державы. Пока он все еще жил на женской стороне, окруженный заботой матери и няньки Аграфены. Пока учила его молитвам Елена, целуя в лоб, приговаривая самые добрые и нежные слова, пока дарил ему дорогие подарки Телепнев, обучал ездить верхом. Верил ему маленький Иоанн, радовался, когда мамкин советник приходил – то свирель «волшебную» подарит, то птицу заморскую в клетке принесет, то маленький меч с драгоценными алмазами в рукояти.

Но скоро все это закончилось...

Елена умерла внезапно дождливым апрельским утром 1538 года. Иоанн увидел ее, уже бледную, как мрамор, облаченную в белоснежный саван. Волосы Елены были собраны под таким же белым волосником. У одра на коленях рыдал Телепнев. Увидев подошедшего мальчика, он поздравил его и обнял. Затем произнес:

– Проси прощения у мамки своей. Целуй ее на прощание. Нет ее больше...

И вот, глядя на мать, как будто вытянувшуюся в росте, торжественно-суровую, недвижимую, маленький Иоанн понимал – весь его прежний мир рухнул. О том, как жить без ее ласки, поцелуев и слов, наполненных любовью, он не представлял. Больно! Страшно! Да и что вообще это значит – ее больше нет? Как ее может не быть? Ведь сын же так любит свою маму, она его еще больше – кто может ее забрать? Но она лежит, недвижно, не чувствует прикосновений, не открывает глаз, не улыбается. Иоанн глядел на ее мраморное лицо и, наклонившись, поцеловал в холодный лоб. И едва мальчик приподнялся снова, почувствовал, как что-то сдавило горло, и слезы хлынули из глаз. Он принялся шарить ручками по савану, пытался растолкать маму, дабы помочь ей пробудиться.

– Матунька! Матунька! Это я, матунька! Матунька!

Когда понял, что она его не слышит больше, упал на колени перед одром и зарыдал, захлебываясь слезами.

– Пойдем, дитятко! – услышал он ласковый голос Аграфены, тут же обернулся к ней и, обняв, уткнулся ей в живот, рыдая. Насилу попыталась увести Иоанна, и после, сидя в опустевших покоях Елены, обняв его, спящего, сама плакала, силясь не разреветься в голос и не разбудить его.

– Сиротонька моя, несчастное дитятко мое, – шептала она, целуя воспитанника в его еще мокрые от слез щеки. Уже понимала, что брат ее обречен, она, скорее всего, тоже, а что будет с ребенком?

– Господи, за что караешь его? Сергей преподобный, почто оставил его? Почто, Господи? – прижимая к себе Иоанна, шептала она сквозь рыдания.

Телепнев еще рассчитывал, что после похорон Елены он сможет бороться за удержание власти и право опеки над великим князем. Иоанна, во имя его безопасности, старался всегда брать с собой.

Вот и в очередное утро, взяв мальчика за руку, вышел с ним во двор, направляясь к приготовленному им возку – собирались на молитву в Сергиеву обитель. Иоанн замкнулся после смерти Елены, и Телепнев все пытался поддержать его:

– А потом, Ванюша, мы на охоту с тобой поедем, да? На рысь пойдём. Знаешь, какова она, эта рысь? На деревьях живет, а вместо ушей кисти у нее. Опасный зверь!

Два богатыря появились в воротах, встали, сложив руки на груди, перегородив дорогу. Телепнев остановился, обернулся – сзади появились еще двое. Медленно он отпустил руку Иоанна и сказал ему:

– Ты пойдешь к Аграфене, а я после вернусь за тобою. Иди, Ванюша, иди.

Вот и сам ребенок, почуяв неладное, попятился назад, не отрывая испуганного взгляда с этих детей, что приближались к Телепневу. Не успел он вырвать из ножен саблю, как был свален страшным ударом в челюсть, другой здоровяк ударил его, упавшего на колени, ногой в лицо, от чего со звуком рассыпанных бус на землю вылетели зубы, и тут же хлынула кровь. Телепнев, лежа на животе, с усилием потянулся к упавшей сабле, но один из богатырей наступил на нее, а другой принялся со всей силы втаптывать голову Телепнева в землю и выбил ему глаз.

И все это на глазах маленького Иоанна. Его тело сковала какая-то истома, он даже не мог пошевелиться от страха, лишь беспомощно мычал, давясь слезами. Видел, как вышли откуда-то двое бояр: это были Василий Немой и его брат Иван Шуйский, оба в длиннополых кафтанах, перевязанных кушаками, остроносые сапоги все камнями ушиты. Эти два брата мало походили друг на друга. Василий Васильевич был крупным, с большим животом, пышная пепельного цвета борода аккуратно расчесана и уложена; Иван Васильевич же был высок и сухощав, с выпирающим кадыком на длинной жилистой шее, и борода была его светлой, короткой и острой.

К тому мгновению Телепнев уже лежал недвижно, уткнувшись лицом в лужу черной крови, и Василий Немой остановил его избиение, властно подняв руку.

– Господи, что делается! Ваня! – послышался крик выбежавшей во двор Аграфены. Было неясно, к кому она обращалась: к воспитаннику или к едва живому брату, коего два здоровяка уже утаскивали со двора. Иоанн стоял и вглядывался с ужасом в лицо Телепнева, превратившееся в кровавое месиво, смотрел на лужу крови, оставшуюся после него, на его безжизненно влачившиеся по земле ноги в великолепных сапогах. Аграфена бежала к мальчику, на ходу надевая на голову плат. Она схватила мальчика за руку, начала вводить в терем, причитая, плача и приговаривая:

– Звери! Что делают, нелюди, Господи!

Иоанн, уходя, обернулся и увидел, что Шуйские стоят на месте, пристально глядя мальчику вслед, и взгляд их еще долго оставался в его памяти и даже снился в глубоком сне, вызванном травным отваром Аграфены. И успокаивающий отвар не помог, мальчик вскакивал и кричал, и успокаивался и засыпал, лишь услышав единственный родной для него голос:

– Я тут, Ванечка, тут, все хорошо...

И мальчик засыпал, проваливаясь в вязкий, глубокий сон. Нет на его лице детского умиротворения, напротив – губы поджаты, брови сведены, дыхание часто и тревожно. Заплаканная Аграфена гладила его голову, сидя рядом.

– Ты вырастешь сильным и грозным князем, – шептала она, словно произносила заклинание, – и все будут бояться тебя. Обуздай их, Ванюша, покори, накажи их всех! Пусть каждому воздастся по заслугам его!

Отрок простонал во сне и снова затих, успокоенный теплой и родной ладонью няньки...

За Аграфеной вскоре тоже пришли – двое из тех здоровых детей, что избивали Телепнева. Она, кажется, ждала этого и с гордо поднятой головой встретила пришедших. Иоанн сначала глядел в недоумении, потом, когда Аграфена со слезами на глазах начала прощаться с ним, он закричал истошно:

– Не-е-е-ет! Прочь! Оставьте ее! Прочь!

С перекошенным от плача лицом он бросился к Аграфене, кою уже уводили, вцепился в полы ее распашонки и держал, даже упав на колени.

– Нет! Оставьте! Оставьте! – требовал он, крича. Но один из детей с такой силой оттолкнул мальчика, что он упал навзничь.

– Ванечка! Ваня! – послышался за закрывшейся дверью крик Аграфены. Вскочив, мальчик бросился к двери, но, дернув, понял, что она заперта.

– Оставьте, – уже тихо и жалобно сказал он в пустоту и, прислонившись спиной к двери, сполз по ней на пол...

Уже позже он узнал, что Телепнева в оковах бросили в темницу, Аграфену постригли в монастырь, где она вскоре умерла, возможно, в тоске по любимому воспитаннику, а возможно, от рук Шуйских, захвативших власть в государстве. Так во главе державы оказались Василий Немой, Иван Васильевич и вышедший наконец из заключения их дальний родственник Андрей Михайлович. Глинские же отошли от дел и пока тихо и мирно жили в Кремле. Однако маленьких Иоанна и Юрия к ним не допускали...

Вскоре пятидесятитрехлетний Василий Немой женился на Анастасии Петровне, молодой вдове боярина Федора Михайловича Мстиславского. Она приходилась двоюродной сестрой Иоанну по отцовской линии – так Шуйские пытались породниться с московскими Рюриковичами.

Все бывшие противники Елены тотчас покинули темницы, и это не сыграло Шуйским на руку. Правление их только начиналось, а уже далеко не все были довольны их возвышением. Освобождая арестованных Еленой бояр, Василий Немой надеялся на их поддержку, но получилось ровным счетом наоборот. Иван Бельский был среди освобожденных и, едва оправившись после заключения, он тут же начал борьбу за власть, ибо он, в родовитости не уступающий Шуйским, имел большой вес в думе. Тут и проявил себя незаметный доселе думный дяк Федор Мишурина. Он стал доверенным помощником Бельского, сумел склонить на его сторону многих бояр и даже самого митрополита. Пока действовал этот хитрец, Василий Немой все больше ощущал, что теряет силу, и родство с сестрой великого князя не играло здесь уже никакой роли.

Василий Немой был на заднем дворе своего имения, восседал на широком срубе, словно большой старый медведь. Узорная ферязь откинута назад, ворот кафтана расстегнут. Напротив – брат Иван, принесший вести, что Бельский и Мишурина с помощью митрополита воздействуют на великого князя и приводят на службы своих соратников.

– Бельского в кандалы. Мишурина – сюда, – твердо проговорил Немой, опершись рукой о колено. – Всех их сторонников – по городам и деревням, прочь из Москвы!

– А митрополит? – осторожно спросил Иван Васильевич.

– Повременим пока. Нельзя так сразу. К великому князю приставить стражу, никого к нему не пущать без нашего ведома! И помни – пока держишь его в своей узде, то и Москва в руках твоих! Иди!

Это назидание младшему брату Василий Немой произнес не случайно – уже чует, что силы на исходе, что конец близок, и в глубине души своей жалеет, что момент, о котором он мечтал так давно, наступил, когда смерть уже дышит в спину...

Мишурина, окровавленного, в разорванных одеждах, верные Шуйским люди доставили в тот же день. Завели на задний двор в хлев и там продолжили избивать страшно, сменяя друг друга. Утром едва живое тело, издававшее лишь невнятные стоны, выволокли к месту, где снова сидел на широком срубе Василий Немой. Невозмутимо поглядел он на несчастного и спросил:

– Уразумел, кому дорогу перешел, смерд?

– Бог... видит... недолго... осталось, – пробулькал Мишурина, выплевывая при каждом слове кровавые сгустки. – И тебе... князь Шуйский...

Отчего-то страшно вдруг стало старому князю, мысли о вечных муках в аду все больше пугали его, и теперь, после содеянного, греховная чаша весов перевесит иную окончательно. Но как доказать на грядущем суде души его, что без крови не бывает блага, власть строится на жестокости, и слабые безысходно вынуждены погибнуть от руки сильных? Нужно идти до конца, и Василий Немой приказал на следующий день отмыть кровь с Мишурина и тащить его на площадь. Там, без разрешения думы и великого князя, что противоречит всем законам

державным, Мишурина прилюдно обезглавили. К тому времени Иван Бельский снова в темнице, причем (по приказу Ивана Васильевича Шуйского) в той самой, где он сидел до этого долгих четыре года.

Дмитрий Бельский тогда стоял с полками в Коломне. Узнав о повторном заключении брата, разозлился страшно, вознамерился вести свою рать на Москву и хватать Шуйских.

– Василия Немого с его братцем первыми вздерну на кремлевских воротах! – кричал он, красный от гнева. Но младшие воеводы, соратники Дмитрия, пытались его отговорить от этой затеи, предвещая, что великая кровь прольется, брат на брата пойдет, горожане пострадают более всего. Долг их – стоять с полками в Коломне, готовить ратников на случай татарского нашествия и не предавать интересов отчизны. Понемногу Дмитрий остыл, хотя и не смирился с тем, что происходило в Москве, и с тем, что этот удар он оставил без ответа.

В думе после того притихли, и митрополит Даниил уже опасался появляться при дворе. Василий Немой ранней осенью собрал всех бояр в думе, словно присутствием своим хотел навести порядок, как грозным рыком своим волк-вожак усмиряет стаю. Его боялись... Многие помнили, как четверть века назад он разоблачил боярский заговор в Смоленске, когда часть знати, находящейся в городе, были куплены Сигизмундом Старым и готовы были отдать Литве город; Василий Немой перевешал их всех на смоленских стенах, привязав к шеям казненных их подарки, полученные от Сигизмунда.

Недолго пробыл он в столице – вознамерился ехать с великим князем в Троице-Сергиеву обитель. Мальчика везли в отдельном крытом возке, Василий Немой же ехал верхом. Все спрашивал об Иоанне, и слуги отвечали ему:

– Великий князь молчит, ест с опаской, воду из кувшина выливает...

– Передайте ему слово мое, – приказал Шуйский, – коли есть перестанет – не буду кормить!

Видимо, в той поездке и пошатнулось его здоровье, почуял князь неладное и на полпути вернул, решил отъехать с семьей в подмосковное имение свое.

Когда приехал, велел растопить баню – продрог в дороге. И после бани вдруг слег с кашлем. Поначалу он сам, как и другие, не придавал этому большого значения, даже вставал уже, занимаясь хозяйственными землевладельческими делами, посылал наставнические грамоты младшему брату по управлению государством, и новый удар случился внезапно. В октябре его снова свалила сильнейшая лихорадка, и после того князь уже не вставал. Имение его стало тихим в ожидании смерти старика. Анастасия Петровна, будучи намного моложе своего мужа, не любила его никогда, но жалела себя, во второй раз становившуюся вдовой, и своего ребенка, который уже был в чреве ее⁷. Молилась, плакала, причитала, пока муж ее хрипел в соседней горнице, тяжело дыша и покашливая. За этим наблюдал восьмилетний Ваня, сын Анастасии от князя Федора Мстиславского. Совсем недавно, чуть больше года назад, он видел ту же картину, как умирал его отец. Ныне – отчим. По настоянию матери молился, склоняя перед иконами свою темную головенку, борясь со страхом и отвращением, подходил к Шуйскому, опять же, подталкиваемый матерью. Василий Немой был в сознании. Обернув к мальчику утопающую в подушках потную голову, проговорил с трудом:

– Мужайся, князь Мстиславский... Смерть тебе в жизни придется видеть часто...

Прибыл вскоре с сыном Петром Иван Васильевич Шуйский. Ему ослабевший князь, как только все по его приказу покинули горницу, говорил:

– Не отступай... до конца иди... митрополита... прочь...

Но в последние дни, в те редкие мгновения, когда князь был в здравом уме, он все больше вспоминал отравленную им Елену, чахнувшего в оковах Телепнева, замученного и казненного

⁷ Уже после смерти Василия Немого родится его дочь Марфа. По иронии судьбы спустя годы она станет супругой сына Дмитрия Федоровича Бельского – Ивана, видного в будущем воеводы.

Мишурина и тех многих других, лишенных им жизни. Греховная чаша переполнилась окончательно, и вряд ли ему будет место в раю. Он, защищавший честь и интересы семьи, пожертвовал своей душой. Но стоило ли оно того? И все казалось Василию Васильевичу пустой суетой – вся эта ненужная борьба за власть, необходимые насилие, смерть. И, стиснув зубы, плакал от страха и досады, плакал едва ли не единственный раз за всю свою жизнь. «Прости, Господи!» – молил он в мыслях своих, но понимал, что просить прощения уже поздно. Однако, находясь при смерти, не изменил себе и бредил словами: «Дума наша... Власть наша... Москва наша»...

Василий Немой скончался в конце ноября 1538 года, до конца веря, что младший брат продолжит дело его и теперь не выпустит власть из рук, полноценно передав ее однажды в руки потомков суздальских князей...

Снова темные времена настали для Руси. Захватившие власть грабили подвластные им города, обносили казну, великокняжеские кладовые, воруя оттуда золотые сосуды, шубы и драгоценности. Увидел однажды маленький великий князь, как Иван Михайлович с братом копались в государевой кладовой, деля между собой приглянувшиеся вещи. Хмуρο оглядев сосуд, принадлежавший Ивану Великому, Андрей отбросил его и схватил другой.

– Ба! Вот это шуба! Неужто самого государя Василия? Хороша как! А? – воскликнул он вдруг.

– Я уже взял такую ж, так что бери себе, – отмахнулся Иван Михайлович. Притаившись за стеной, смотрел безмолвно на это восьмилетний Иоанн...

Получив власть, Шуйские бездействовали во многих отношениях. При них разорение татарами южных земель достигло немислимых масштабов, сравнимых разве что с нашествием Батыея. Упорно и бесполезно думцы пытались договориться между собой, дабы заключить с казанцами мир, другие настаивали на мире с Крымом. Пока шли споры в сводчатых душных палатах, горели деревни, погибал русский народ. И так продолжалось все время, пока Шуйские были у власти.

Массово видные ремесленники покидали Россию. Так бежал в Ливонию итальянский архитектор Петро Малый, возведший Китайгородскую стену, крепости в Пронске и Себеже. Уйдя, докладывал дерптскому архиепископу:

– Великий князь и великая княгиня скончались, государь мал, и бояре враждуют, своевольничают без управы, так что в Московии мятеж и безгосударственность, от которых бегут и прочие дельные умы.

В начале 1539 года в темнице умер Телепнев. Те, кто узрел труп, не узнали пышущего здоровьем красавца – это был уморенный голодом полускелет старика, беззубый, с провалившимся под ребра животом.

Тогда же Иван Васильевич Шуйский наконец исполнил приказ покойного старшего брата – владыка Даниил добровольно снимал с себя сан митрополита Московского по причине «неспособности служению» и с позором отправлялся в Волоколамский монастырь, в котором когда-то был игуменом. При выезде из Москвы его едва не растерзала толпа верных Шуйским сыновей боярских, но боярин Дмитрий Палецкий остановил озверевших ратников и дал перепуганному Даниилу уехать в обитель живым.

Иван Шуйский быстро нашел ему замену, избрав игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа. И не случайно – сей священнослужитель когда-то крестил новорожденного великого князя Иоанна, да и мальчиком Троице-Сергиева обитель была любима, и потому Иван Васильевич решил, что сей исход удовлетворит всех.

Игумен был приглашен в столицу, где состоялся его разговор с Шуйским. В покоях присутствовали представители другой ветви Шуйских, братья Андрей и Иван Михайловичи, а также Федор Скопин-Шуйский, такой же властолюбивый боярин, как и его родичи.

Иоасаф, полностью седой, сухой и низкорослый, сидел за столом, полным угощений, но не притрагивался ни к еде, ни к вину. Облачен он был в простую черную рясу, длинная белая борода была аккуратно уложена.

– Значит, святители одобрили уход Даниила, – спрашивал игумен с недоверием. Недовольство его было понятно – нарушены многие церковные правила, и произошедшее низложение явно было противозаконным.

– Одобрили и сообща согласились, что тебе надобно стать владыкой, – улыбался довольный собой Иван Васильевич. Иоасаф поджал губы. Понял он, что настали темные времена не только для государства, но и для русской Церкви, во имя политических интриг попирающей христианские догмы. И как удержать ее от этого падения? Как укрепить? Да и кто возможет?

– На том я и согласен стать митрополитом, – сказал вдруг Иоасаф. Шуйские, улыбаясь, подняли чары. Немного пригубил вина и сам игумен...

Рад был Иван Васильевич, еще не ведая, что Иоасаф не из тех, кто станет плясать под чью-то дудку и потакать противозаконному управлению государством. Еще немало времени пройдет, прежде чем правитель поймет, что создал для себя еще одного могущественного противника.

* * *

Когда стемнело, Иоанн зажег в покоех свечку и, сев около нее с книгой, начал читать. Для своих лет мальчик многое прочел: знал едва ли не наизусть тома церковных книг, уже начал познавать труды древних мудрецов: Тита Ливия, Полибия, Тацита. Возможно, униженный своими подданными, лишенный власти, он пытался почерпнуть что-то из истории о великих царях прошлого. Как заставить бояться себя? Как внушать подданным страх? Как стать великим государем?

Укутавшись в длинный кафтан, стуча зубами от холода, Иоанн пытался греться у свечи, но вскоре она сгорела, и в покоех стало совсем темно. Где-то за окном слышались пьяные песни и крики – бояре снова устроили пир, на котором они напиваются до беспамятства и жрут, словно свиньи. Наверняка и еды там много. Вспомнив о еде, голодный мальчик застонал – его не кормили уже почти два дня.

Не раздеваясь, Иоанн, дрожа всем телом, лег на кровать отца. В темноте из воспоминаний начали появляться образы прошлого – мать, Телепнев, кормилица Аграфена. До сих пор помнил ее колыбельные, ее песни, помнил ее ласковые теплые руки и смех. Помнил, как слышал крики Аграфены из коридоров дворца, когда ее насильно увозили в монастырь. Он тогда рыдал в запертой опочивальне своей, закрыв уши, глотая градом льющисся слезы. И с тех пор он затворник в этих нетопленных покоех, предоставленный сам себе. Иногда к нему приводят младшего брата, но Иоанн не любит сидеть с ним, считает его сумасшедшим.

Днем мальчика наверняка выведут присутствовать на приемах иностранцев, одев в государевы одежды, а после, как все закончится, заберут атласный кафтан и великокняжескую шапку, снова отведут в эти пустые покои и запрут. Шуйские! Все они! И детская рука Иоанна от бессилия сжалась в крепкий кулачок...

Дверь открылась. Мальчик вскочил и с испугом начал вглядываться в темноту.

– Кто? Кто тут?

– Не пугайся, батюшка государь, это я, Воронцов Федор. Не гневайся на слугу своего. Поесть я тебе принес, Иоанн Васильевич.

Щурясь, мальчик вглядывался в темноту, пытаясь лучше разглядеть приближающуюся к нему тень. Зажглась свеча, и отрок наконец увидел Воронцова – низкого, с залысиной, с черной, окладистой бородой и мясистым носом – эдакий с виду деревенский мужик, а на самом деле выходец из старинного рода дворянского. При отце Иоанна воеводствовал в Вязьме, но

особо себя не проявлял. Иоанну его лицо было едва знакомо, видел его лишь однажды в толпе придворных.

Федор преподнес Иоанну две зажаренные ножки гуся и кружку с квасом. Поглядев на это, с блестящими глазами мальчик набросился на еду и принялся жадно есть. Воронцов огляделся и спросил:

– Тебе, государь, что, покои не топят?

Отрицательно помотав головой, мальчик обглаживал гусиную кость. Глубоко вздохнув, Воронцов сел рядом с мальчиком и погладил его по кудрявой голове.

– Морят тебя холодом-голодом, ироды проклятые, – проговорил он, тяжело вздохнув. Вскоре с едой было покончено, и мальчик, вытирая умасленный рот рукавом, проговорил:

– Благодарю, сердешный, что не дал мне голодным уснуть. В век тебе не забуду.

– Как твое здоровье, государь? – осведомился заботливо Воронцов. Лишенный ласки и всеми брошенный, мальчик тут же доверился ему.

– Лихорадит меня, Федор, зябко...

– Прикажу натопить здесь. Да и переодеться надобно.

Приказав слугам пронести поленья, Воронцов сам забросил их в камин и начал разжигать. Вскоре заиграло яркое пламя, затрещали поленья. В покоях сразу стало тепло и уютно. Иоанн лежал в постели, умиротворенно улыбаясь. Давно ему не было так спокойно.

– Останься со мною, Федор, – тихо попросил он. Воронцов сел на колени перед кроватью и, взяв отрока за руку, дождался, пока он уснет.

– Боярин Иван Васильевич Шуйский давеча был. Каждый день заходит, – шептал мальчик, – на батюшкину кровать, в коей скончался он, опирается локтем, а в кресло батюшкино ноги в сапогах укладывает...

Тут голос Иоанна дрогнул, он поджал губы, слезы досады и обиды скатились из его глаз. Федор слушал, нахмурившись, удивлялся, как Шуйские умудряются так унижать великого князя своего, пользуясь его беспомощностью. Сидел у ложа, гладил кудрявую голову владельца московского и вскоре услышал ровное дыхание и детское сопение. Тогда, тихо поднявшись с колен, покинул покои Иоанна, вручив при выходе стражнику небольшой звенящий деньгами кошель...

Так неожиданно недруги Шуйских нанесли им первый удар...

* * *

Пока Русская земля переживала сие тяжелое время, жизнь людская шла своим чередом – люди рождались и умирали, посадские работали на земле, вели хозяйство, священники крестили детей и проводили службы, ратники охраняли рубежи.

Ноябрьской морозной ночью в Москве умирал человек, помнящий еще походы Ивана Великого, прославленный воевода, боярин и окольничий Михаил Юрьевич Захарьин. Умирал тихо и мирно в своей постели на седьмом десятке лет.

Он прожил насыщенную жизнь, не каждый из тех, кто был при дворе, мог похвастаться таким послужным списком: участвовал в походах Ивана Великого, в покорении Пскова и Смоленска Василием Третьим, выполнял особые поручения великих князей, будучи послом в Литве, хорошо разбирался в артиллерии. После смерти великого князя Василия был назначен одним из опекунов малолетнего Иоанна. Не было и месяца, чтобы сей боярин просидел дома в кругу семьи – то Михаил Юрьевич заседает в думе, то на юге собирает рати против ополчившихся татар, то принимает иностранных послов. И кое-что подкосило пышущего здоровьем боярина – бегство в Литву с Семеном Бельским родича, окольничего Ляцкого. Долго переживал Михаил Юрьевич от этого позора, занемог, теперь же наконец упокоился навсегда, и многочисленная его родня приезжала проститься с ним.

Захарьины – потомки московских бояр. Первый достоверный предок их – Андрей Кобыла перешел на службу к Ивану Калите еще двести лет назад. Всегда они были близки государеву двору, верно и отважно служили Московскому княжеству, но не могли тягаться по родовитости с прочими боярами, хотя и были родней великокняжеской семье – по материнской линии Иван Великий был прапраправнуком Андрея Кобылы, который, впрочем, дал начало многим дворянским родам.

Сани с раннего утра прибывали к скромному терему новопреставленного. Приехали рыдающие навзрыд, постаревшие, раздавленные вширь сестры. Прибыл с супругой самый младший брат, Григорий. Подтянутый и крепкий, он, в длинной медвежьей шубе, вышел из саней, оглядел все вокруг из-под черных суровых бровей, пробился через толпу у терема и вскоре уже подходил к горнице, откуда пахло свечами, ладаном и мертвецом. В дверях встретился с сестрами, опухшими от слез, обнял их, позволил всплакнуть на своих плечах и спросил тихо:

– Роман уже здесь?

– Едет, – отвечала сестра Феодосия, – с детишками едет...

Погладив сестру по плечу, Григорий с женой вступил в полутемную горницу и увидел гроб, возле которого сидела рыдающая жена покойного и двое его сыновей – Иван и Василий⁸. Дети у Михаила Юрьевича были поздними, старшему из них не исполнилось тогда и шестнадцати. У изголовья диакон тихо читал молитвы. Подступив ближе, Григорий заглянул в лицо брата. Он лежал желтый, костистый, строгий. Вдова обернулась и, увидев пришедшего, бросилась к нему, безутешно бормоча что-то несвязное. Диакон, продолжая читать, вскинул строгий, осуждающий взгляд и снова опустил глаза в книгу.

– Ну, полно, полно, дорогая, – утешал вдову Григорий, приобняв слегка, затем отпустил ее, и вдова обнялась с его женой, после чего обе разревелись друг у друга в объятиях. Григорий подошел к племянникам. Старший Ваня вскинул на дядю строгий взгляд – было видно, старается держаться, а Васюта сидел зареванный, со сжатыми дрожащими губами. Григорий поцеловал каждого и встал у гроба, сложив на животе руки. Казалось, он еще не до конца осознает и верит происходящему, казалось, не узнает в этом пожелтевшем строгом старике с длинной седой бородой своего брата, веселого, решительного Мишку, который после смерти отца всю их семью держал в узде. Перед глазами беспощадно всплывали картинки из детства, которые никак не вязались с происходящим.

Григорий услышал за спиной неровные шаги, сопровождаемые стуком трости – прибыл Роман. Он тяжело ковылял, и каждый шаг отдавался острой болью во всем теле – это было видно по его вымученному бледному лицу и по болезненным черным кругам под глазами. Как и старший брат, Роман рано полысел, с недавних пор, как его отстранили от воеводства из-за неведомой болезни костей, он начал брить и бороду. С ним была его жена Ульяна, еще красавица, чей стан не испортили пятикратные роды, а лицо ее по-прежнему сохраняло молодую свежесть, хотя ей было уже за тридцать пять. Ульяна шла, утирая платочком глаза, затем с сочувствием обняла вдову и расцеловала ее. Вслед за ней вошли все пятеро детей этой четы: Далмат, Данила, Анна, Никита и Анастасия. Далмат и Данила, одногодки, были самыми старшими среди потомства братьев Захарьиных, уже проступают в их взоре некая зрелость и осознание происходящего. Оттого они, поддержав сродных осиротевших братьев нужным словом, стоят у гроба и пристально глядят на покойного с печатью глубокой думы на лицах. Их младшие сестры и брат Никитка не отходят от матери, как испуганные цыплята. Роман Юрьевич подошел совсем близко к телу брата и оглядывал покойного скорбно и жадно, глаза его заблестели от слез.

⁸ Источники упоминают трех сыновей Михаила Юрьевича Захарьина: Иван Большой, Василий и Иван Меньшой. Так как об Иванах Михайловичах не осталось какой-либо информации, кроме дат смерти, и оба они скончались достаточно рано, ради упрощенного изложения был умышленно назван один из них.

– И все-таки он был из нас самым видным, – проговорил Роман Юрьевич сдавленно, и кадык на похудевшей шее, поднявшись вверх, опустился, – никто из нас так и не попал в думу, кроме него. Походы, воеводства – все было. Но управлять державой – нет. А ему довелось.

Данила вскинул в сторону отца какой-то ревнивый взгляд. С трудом Роман Юрьевич нагнулся и поцеловал брата в холодный лоб. Григорий подавил вздох – сказанное Романом и его задело за живое. И понимал – пока среди властителей идет грызня, пока государь мал, не выбраться им в думу. Ныне со смертью Мишки возможность эта пропала окончательно. Роман уже отстранен от службы и, глядишь, сам уже не жилец, судя по его нездоровому виду. И Григорий оглядел многочисленных племянников – хватает продолжателей семейного дела!

– Ничего, не мы, так они дело Михайлово продолжат, а там, глядишь, во главе думы стоять будем, – сказал он тихо. Сыновья Михаила и дети Романа стояли в этой полутемной горнице. Конечно, никто не ведал, какая великая судьба ждет их семью. И Данила, услышав изречение дяди, вновь посмотрел на большое широкое тело покойного и сказал себе тихо:

– Обещаю, дядя Михайло, я в думу попаду... И управлять всем буду. Богом клянусь, попаду! Ты только помогай мне...

* * *

В декабре из Москвы отправлялось посольство в Константинополь. Для султана во имя продления мира были приготовлены многочисленные дары, уже уложенные холопами в сани. Стоя на подворье в потасканной заячьей шубе и бобровой шапке, за этим молча наблюдал тот, кто и должен был все это вручить султану – Федор Григорьевич Адашев. Это было его первое столь важное поручение. В важности сего дела никто не сомневался, всем было известно, что Турция, пока еще ни разу не вступившая с русскими в прямую борьбу, натравливает на нее своих «вассалов» – татарские ханства. Во многом от турецкого султана зависел мир на южных рубежах государства.

«Мог ли я подумать о том еще пять лет назад», – думал Федор Григорьевич и, вздохнув с волнением, поднял голову в сумрачное зимнее небо. Незнатный костромской дворянин, не видевший никогда ни богатства, ни славы, начинал службу сыном боярским с младых лет. И казалось, что до конца жизни придется ему прозябать вот так, выступать с походами, спать с однополчанами в пропахшей потом и немытыми мужскими телами тесной избе, мерзнуть холодными зимними ночами у костров, скакать бешено из одного города в другой с каким-либо важным поручением. Поначалу, когда молод был, все это безумно нравилось, но с годами захотелось большего. А когда женился и родился первый сын – Алешка, все думалось, как из этого прозябания вырваться. И ведь смог, вырвался. Вскоре уже и великий князь Василий о нем узнал. Федор был счастлив, почуяв нутром, что это и есть его шанс! Но спустя немного времени Василий Иоаннович умер, и Адашев невольно решил, что все для него потеряно. Не тут-то было! Рождение второго сына, Данилушки, не позволило ему сдаться! Помог тому, познакомился с тем, договорился там – и вот спустя три года он уже стольник при дворе, подносит мед польским послам на приеме. Его уже знают при дворе как человека надежного, и Федор грезит, что однажды пристроит своих сыновей ко двору, самому государю, например, одежду подавать!

– Готово все, Федор Григорьевич! – доложил холоп, указывая на загруженные сани. – Завтра запряжем коней да тронемся в путь!

Последняя ночь дома перед отъездом в далекий Константинополь. На дворе воспитатель сыновей Мефодий учил их, сидящих на крыльце, орудовать саблями. Что-то негромко объяснял им, а затем, развернувшись, рубанул установленный рядом на доске мешок с сеном.

– Мефодий, дай я, дай я! – запищал восторженно Данилушка, протягивая детскую пухленькую ручонку. Мефодий, крепкий, жилистый и высокий литвин, взятый еще мальчишкой

в плен отцом Адашева в походе на витебские земли в 1515 году. Он вырос хорошим воином, очень сблизился с Федором, ходил с ним в походы и теперь стал настоящим членом семьи. Перестав уже быть холопом, он все же посвятил всю свою жизнь службе семье Адашевых, и теперь под его присмотром росли дети Федора.

– Ну, подержись, – протянул Мефодий Данилушке саблю, – токмо не порежесь!

Данилушка саблю не удержал, пригнула она его к земле, но мальчик, упорствуя, поднял клинок и ударил по мешку, не причинив ему, конечно, никакого вреда. Алешка усмехнулся, хотел было бросить в сторону брата обидную шутку, но, завидев подъезжающего отца, почти-точно поднялся, сделавшись серьезным. Опомнившийся Мефодий забрал у Данилки саблю и убрал ее в прицепленные к поясу ножны.

– Здравствуй, Федор Григорьевич!

Адашев, слезая с коня, кивнул ему с улыбкой и, поглядев на детей, спросил:

– В училище-то⁹ ходили сегодня?

– Ходили, батюшка, – отвечал Алеша, выпрямившись перед отцом. Федор отдал подоспевшему холопу коня, кивнул и, обернувшись к Мефодию, спросил:

– Как учатся-то?

– Алешка, почитай, самый грамотный среди своих! – гордо отвечал воспитатель. – Учитель назначил его старшим, будто с равным обращается! Он и читает, и наизусть уж много рассказывает...

– Про него я и так ведаю. А Данило как? – строго взглянул на младшего Федор. Данилка поник головой, насупился. Уже не раз ругал его учитель, даже розгами наказывал – не лежит у мальчика сердце к учебе, больно задирист и ленив!

– Зато в ратном деле нет ему равных! – предугадав мысли Адашева, отвечал находчиво Мефодий, подмигнув Данилке.

– Ежели я их при дворе устроить смогу – на кой черт им это ратное дело? – раздраженно сказал Федор и пошел в дом. Мефодий, стараясь выгородить младшего воспитанника, отвечал, следуя за Адашевым:

– Как это зачем? А вдруг – поход? Крепкая рука воина в государстве, почитай, всегда нужна!

– Не только крепкая рука важна в том же походе, но и светлый ум, и знания, коли воеводами станут! – напутствовал Адашев, отдавая холопке теплую одежду, затем добавил, чуть помолчав: – Мефодий, меня долго, видать, не будет! Ты уж проследи за ними, спуску не давай, учебу пушай не отвергают!

– Федор Григорьевич, так, может, мне с тобой лучше? Оно, глядишь, безопаснее будет!

Вышла супруга Адашева – кротко и молчаливо поглядела на него, будто тоже ожидала, что же ответит муж. Помолчав, он отрицательно замотал головой и сказал твердо:

– Со мною будут надежные сопроводители, опытные воины! А твое место здесь – за семьей нашей и хозяйством приглядывать!

Мефодий согласно склонил голову.

– Я кликнула, на стол накрывают. Чай, перед дорогой последняя вечеря, – сказала тихо супруга.

Пока ели, старался не замечать взволнованного взора жены, не думать о предстоящей дороге. Федор глядел на сыновей, не уставая мыслить о том, как их устроить в жизни. Сейчас они сидят друг с другом, уткнувшись в блюда – оба кудрявые, светловолосые, со вздернутыми носиками, такие родные и любимые! Как же хочется, чтобы добились в жизни они большего, чем их отец! Лешка бы в думе сидел, ибо ученым растет, знает уже много больше своего родителя! Данилка бы воеводой стал, раз к ратному делу душа лежит!

⁹ Первые школы на Руси были основаны еще в X веке при монастырях и назывались «училищами».

– Ох, заметет за ночь, – прервал неловкое за столом молчание Мефодий, поглядев в окно, за которым угрожающе гудел начавшийся буран.

– Заметет, – отвечал все еще погруженный в свои мысли Федор, коему было не до пустых разговоров – в его мечтах оба сына в блистающих доспехах приносили России новые победы, зарабатывая себе и роду своему вечную славу...

Глава 7

Лето 1540 года

– Как посмели они! Как посмели! – крик Ивана Васильевича Шуйского из верхней горницы сопровождался грохотом разрушаемой утвари и звоном бьющейся посуды. Слуги и холопы пугливо втягивали головы в плечи, боясь попасть под горячую руку, прятались по углам. От шума расплакался внук князя, годовалый Ваня. Няньки, завернув его в пелена, торопливо уносили малыша в дальнюю горницу, покачивая на руках. Петр Шуйский дождался, пока за дверью стихнет яростный вопль отца, и лишь затем вошел. Задранные ковры были усеяны осколками посуды, обломками кресел, бумагами и перьями из растерзанных подушек. Серебряные подносы и кубки разбросаны тут и там. Иван Васильевич стоял красный, тяжело дышащий, легкий татарский кафтан сполз с костлявого левого плеча. Петр твердо глядел на отца, молчал.

– Это крамола! Заговор против нашей власти! – прошипел Иван Васильевич. – Хотят Бельского видеть во главе государства! Ну что ж... посмотрим! Посмотрим...

Гнев Шуйского был вызван вестью о том, что митрополит Иоасаф с некоторыми боярами просили десятилетнего Иоанна помиловать сидящего в темнице Ивана Бельского и вновь ввести его в думу. Мальчик, конечно, великодушно согласился, и в тот же день князь был освобожден. Это означало одно – власти Шуйских они не хотели.

– Отец, уступи. По родовитости мы не хуже Бельских, ты по-прежнему останешься первым из бояр, – настаивал Петр.

– Уступить? Уступить? – вскричал Иван Васильевич, пнув ногой в сафьяновом сапоге серебряный кувшин. – Не будет у нас власти теперь над великим князем! Иоасаф и Иван Бельский теперь станут его опекать и править всем! А мы, дай Бог, опалы избежим!

Замолчал и стал глазами искать, что бы еще разбить. Но в горнице, кажется, не осталось ни одного целого предмета. Подняв с пола брошенный в порыве гнева кинжал, Шуйский остервенело всадил лезвие в перину и, зарывчав, стал кромсать ее, приговаривая:

– Иоасаф предал меня! Я сделал его владыкой! Я дал ему власть! И как он отблагодарил меня? Как?

Силы его иссякли, и он, уронив на пол кинжал, поднялся, опустошенный, прикрыл глаза ладонью, покачнулся. Петр бросился к отцу, дабы поддержать его, на ходу поднял опрокинутое креслице и усадил Ивана Васильевича в него.

– Я поклялся брату своему, что не упусти власти, не дам слабины, – проговорил старший Шуйский тихо, затем глаза его снова налились гневом, и он выкрикнул. – Ноги моей не будет в Москве, пока Бельский будет во главе думы сидеть!

– Отец, может, потребуется время, чтобы собрать силы для борьбы с Бельским, – предложил Петр, положив сильную руку на плечо отца. – Воспользуйся этим!

– Да, верно, – кивнул Иван Васильевич, по-прежнему глядя перед собой. – Уйду в тень. И Иоасаф, и Иван Бельский еще почувствуют мою силу. Они теперь мои первые враги! Пусть!

Он вскочил с кресла, стал мерить горницу широкими шагами, бормоча что-то под нос. Затем встал, обернувшись к сыну:

– Вели писать грамоты всем родичам нашим, да пуцай сказано будет в них, дабы с боярами совет не держали, к великому князю не ездили. Помни, сын, Шуйские всегда друг за друга держатся, спина к спине, плечом к плечу! Пуцай пока порадуются, пуцай! Мы подождем...

И сухое лицо Ивана Васильевича впервые озарило подобие улыбки.

* * *

Выйдя из темницы, Иван Бельский решил поддержать ослабленное многолетним заключением здоровье и уехал из Москвы с разрешения великого князя и с благословения митрополита. Он отправился в родительский терем, где его ждали супруга и сын. Туда же, узнав о счастливой вести, отправился Дмитрий – шесть лет не виделись!

Брат встретил его на пороге, постаревший, высохший и изможденный – щеки впали, глаза на похудевшем лице казались невероятно большими, в остриженных уже волосах и бороде обильно проступала седина. Какое-то время они глядели друг на друга, и Иван взглядом своим будто говорил старшему брату: «Ну, вот, погляди, каким я стал...», и невероятная злоба заклокотала в груди Дмитрия, злоба на покойную Елену и Семена, сидевшего у крымского хана, на Шуйских. И после того братья крепко обнялись, и редкие, но искренние мужские слезы катились из их глаз.

За столом, оставшись наедине, говорили о делах.

– Говорят, Новгород и Псков в кормление Андрею Шуйскому отданы, так он их подчистую ограбил, что там, кроме нищих, не осталось никого... И единства в думе нет, сплошные бесчинства! – Дмитрий говорил полупрошептом, наклонившись к брату.

– Надобно самим власть в руки брать, – отвечал Иван, опустив глаза.

– По знатности рода – да, но только с Шуйскими тягаться сложно!

– Шуйские озлоблены сейчас, заявили, что в Москву ездить не станут и в думе сидеть тоже. Враг я им, понимаешь... Но ход свой я уже сделал. Митрополит за меня, и рядом с государем верный мне человек...

Помолчав немного и двинув желваками, Иван спросил:

– Ты слышал о Семене что-либо?

– Ведаю, что у крымского хана сидит! В почете! Говаривали, что он через всю Европу ехал к турецкому султану и по приказу его отправился в Крым...

– Ох, Семен, – тяжело вздохнул Иван и, поджав губы, нервно почесал бороду.

– Ничего, повидаемся. Еще. Убью! – Дмитрий со злости громко ударил кулаком по столу, да так, что чарки и блюда подпрыгнули.

– Остынь! – неожиданно жестко сказал Иван. – Он брат наш, кровь наша, сын матери и отца, твоих и моих!

– А что из-за него наша семья перетерпела, забыл? Что ты в темнице сидел столько лет – ничего? – Дмитрия просто разрывало от гнева. – Каждому по заслугам его воздается! Да и какой он брат после того, что сделал? Чует сердце мое, сойдемся мы однажды, да не за этим столом, а на поле брани по разные стороны! И тогда...

– Чтобы ни случилось, казнить его я тебе не позволю! – Иван был тверд, непреклонен, и внутренней силой своей подавлял Дмитрия. – Я во главе думы встану, Шуйских прочь отстраню и после того позову его домой. Неужто откажет мне в том? Служить отныне не будет, женится, детей заведет! Но будет жить на родной земле! И, самое главное – будет жить!

Дмитрий согласился с ним в глубине души, но упорство и обида не давали ему до конца простить Семена. Запыхтел, раздувая ноздри, что-то обдумывая.

– О другом надобно думать пока, – остужал его Иван, – Как власть из лап Шуйских вырвать. Тут поддержка думы нужна...

– Чем помочь тебе, брат? – Дмитрий вглядывался в лицо Ивана, будто открывая его для себя заново – какой-то стержень внутренний и мудрость заставляли подчиняться ему.

– Делай, что делаешь. Возвращайся к войскам и обороняй государство. А мне... – Иван с усмешкой взглянул на руки свои, израненные оковами. – Силы только восстановить – и тогда...

Улыбка вдруг пропала с его губ, лик отвердел. Иван спрятал руки под стол и сказал решительно:

– Всему время свое...

С колокольни Ивана Великого открывался прекрасный вид на соборную площадь Кремля. Величественные Архангельский и Успенский соборы, сверкая золотом куполов, едва достигали той высоты, на которой под молчащими могучими колоколами стоял Иоанн. Ветер развеивал его кудри, он жадно глядел на расстилавшийся пред ним вид. В руках великий князь держал щенка охотничьих псов-волкодавов, коего он стащил с псарни.

По площади ходили люди, маленькие, словно муравьи. Вот Архангельский собор, где покоятся его отец, дед, прадед, другие родичи, вот Успенский, где целовали крест все великие князья московские, начинавшие править державой. Трехкупольный Благовещенский собор казался отсюда игрушечным, а Грановитая палата больше походила на выбеленный сундук с темной крышкой. Далее, за вытоптанной Соборной площадью, виднелась зелень деревьев и трав, среди которых возвышались башни и верхушки кремлевских стен. Линия Москвы-реки, блестя на солнце, проходила, казалось, аккуратно под стенами, но далее, где стояли посадские дворы, от которых слышался отдаленный хозяйский шум инструментов и крик скотины, заворачивала влево.

Пухлый теплый щенок затыкал, задержался, захотев, видимо, есть. Иоанн, взяв щенка руками, еще раз, выглянув, посмотрел вниз. Достаточно высоко. Интересно, во что превратится этот темный комок с виляющим хвостом, упав отсюда? На прошлой неделе мальчик нашел ворону с перебитым крылом и потащил ее к реке. Глядя на черную горланящую птицу, пытался представить, что птица сия – Иван Шуйский, опекун его, и твердыми, уверенными ударами острой палкой выколол ей глаза. Стиснув зубы, нанося ей удары за ударом, дробя птичью голову, отрок понимал, что ему нравится это. Иоанн не считал зазорным причинять боль беззащитным существам, ведь он рос среди крови и боли, что такое любовь и доброта он давно позабыл...

Щенок не издал ни звука, когда мальчик швырнул его вниз. Спустя три секунды безвольный комок, кувыряясь в воздухе, достиг земли, но сверху не было слышно удара. Закусив губу, Иоанн бросился к лестнице, стал, сгорая от любопытства, стремительно спускаться. Но на выходе он увидел преградившего ему путь Федора Воронцова. Придворный, приветливо улыбаясь, поклонился великому князю, а Иоанн невольно испугался, думая, что сейчас о его жестоких играх доложат строгому Ивану Васильевичу Шуйскому – он до дрожи боялся своего опекуна.

– Великий князь, – начал Федька Воронцов, – меня послали срочно за тобой. Ждут митрополит и глава думы Иван Бельский, милостью твоей вышедший из темницы.

– Что им нужно? – недовольно проворчал мальчик, ведь ему хотелось посмотреть на упавшего с колокольни щенка.

– Дела государственные не терпят отлагательств, государь! Разреши мне, Иоанн Васильевич, взять тебя за руку. Князья Бельские высоко стоят по происхождению, не ниже, чем Шуйские. Надобно принять! И митрополит ждет тебя!

Мальчик безвольно протянул ладонь, и Воронцов, мягко взяв ее, повел великого князя за собой. Когда вышли они на площадь, Иоанн все заглядывал туда, где виден был недвижимый серый комок шерсти, вокруг которого растеклась темно-красная лужа. Конечно, Иоанн хотел подойти и глянуть поближе, но смутился присутствием придворного.

Иван Бельский и митрополит Иоасаф ждали Иоанна в его палатах. Митрополит, седобородый, в черной рясе, с белым куколем на голове, сидел в кресле, оперев обе костлявые руки на толстый посох из белого дерева. Бельский же, одетый в темный кафтан, стоял рядом, сложив руки за спину. Волосы причесаны, широкий лоб обнажен, взгляд умных глаз тверд и светел

– почему-то с первого взгляда он вызвал у мальчика больше доверия, чем Шуйские. Иоасаф тяжело поднялся с кресла, склонил в приветствии голову, Бельский поклонился в пояс. Мальчик, как учила когда-то мама, послушно поцеловал руку владыки.

– Благодарю, государь, за милость твою, снявшую оковы с рук моих. Отныне стану служить тебе верой и правдой, – сказал Бельский мягко. Иоанн растерянно молчал, не зная, что сказать. Отвык он от такого обращения.

– Князь Иван Федорович отныне будет возглавлять Боярскую думу и станет первым твоим советником. – Иоасаф прервал неловкую тишину.

– А... Шуйские? – вырвалось само у мальчика.

– Князья Шуйские покинули государственный совет, – Митрополит расправил плечи и взглянул на Бельского. Князь, выдержав паузу, сказал:

– Первым делом, великий государь, хотел напомнить, что в немилости, в запертых покоях уже который год сидит твой сродный брат Владимир со своей матерью. Будет ли угодно вернуть принадлежавший им по праву старицкий удел?

– Да! – твердо ответил Иоанн. Желание помочь незнакомому еще себе родственнику было почему-то очень явным. Страдая, он, видимо, не хотел, чтобы где-то еще страдал какой-нибудь обделенный радостями жизни ребенок. Митрополит, улыбаясь, согласно кивнул.

– Да будет так, великий государь. Лишишь ли ты страданий еще одного родича своего? В Вологде сидит в оковах князь Дмитрий Андреевич Углицкий, сродный брат покойного батюшки твоего. Его заточение длится уже сорок восемь лет. Разреши, великий князь, снять с него оковы, кои носит он с десятилетнего возраста, и выйти ему на свободу!

Иоанн застыл. О родиче, который полвека сидит в заключении, он никогда, конечно, не слышал. Еще одна жертва династической борьбы за единство России! Иван Великий, желая забрать Углич, велел арестовать сидевших там племянников Ивана и Дмитрия. Иван умер в темнице, а Дмитрий все еще жил, самым существованием своим пугая стоящих у власти. Иоанн невольно сравнил себя с ним. Ему сейчас тоже десять лет. А что, если и на него однажды наденут оковы, в которых суждено ему будет провести всю свою жизнь? Терпеть лишения, болезни, голод, тьму и холод. Господи, защити!

– Освободите, – неожиданно для самого себя нетвердым голосом сказал Иоанн.

– Теперь осталось вынести эти вопросы на думе, дабы бояре одобрили решение твое, – вздохнул, улыбаясь, Иван Бельский, – благодарю, что выслушал и принял нас, государь!

– Милосердие уподоблено Господу, великий князь, – добавил Иоасаф и, покидая покои мальчика, перекрестил его.

На заседании думы вновь переполох. Во-первых, стало известно, что казанский хан идет с походом на Москву, надобно было на заставах организовать оборону, а заодно и приготовить к тому же столицу. Во-вторых, освобождение всеми забытого Дмитрия Андреевича, по мнению бояр, бередило все устои власти, сложившиеся издавна, мол, не зря Иван Великий и Василий Третий, умнейшие правители, не освободили его, а нынешний государь «не ведает, что творит, ибо мал». Мальчику Владимиру же согласились вернуть отцов старицкий удел почти безоговорочно. А о судьбе Дмитрия Андреевича спорили вновь и вновь. В итоге, успокоившись и отдуваясь в пышных тяжелых шубах, решили из темницы его не выпускать, но оковы, из уважения к преклонному возрасту узника, снять. Бельский, стиснув зубы, с отвращением подумал, что неплохо было бы на место несчастного старика посадить добрую половину сидевших в думной палате, если не всех.

– Ныне надобно обсудить оборону державы от казанцев, – молвил он, поняв, что дума решения своего уже не изменит...

Владимир с матерью Ефросиньей прибыли к Иоанну перед своим отъездом в Старицу, поблагодарить за милосердное решение. Так случилось их знакомство. Сидя в отцовском кресле, Иоанн внимательно глядел на семилетнего Владимира, светловолосого мальчика, с

некоторым любопытством и даже трепетом взиравшего на сродного брата своего, коему в его раннем возрасте уже все кланяются. Ефросинья же, страшная, зятая в черные одежды, поджав губы, злостно и тяжело смотрела на Иоанна, и он, почувствовав неприязнь тетки, немного даже испугался, совсем не понимая, отчего эта незнакомая тетка его ненавидит. Присутствие других бояр и митрополита заставило и ее склонить голову, но ненависть в глазах княгини трудно было не заметить. Взяв сына за руку, она покидала покои великого князя, и Владимир, взяв в рот палец свободной руки, продолжал смотреть на Иоанна, и потом, улыбнувшись широко и искренне, помахал брату на прощание.

Так, Старицкое удельное княжество было возвращено семье Андрея Иоанновича, бояре легко согласились на это. Но интересно, чем мог им помешать полуслепой, дряхлый старик, неграмотный, едва умеющий писать и говорить, доживающий свой век в темнице? Имел бы он сторонников для борьбы за власть? Вел бы он ее вообще? Крайне сомнительно! Но тюремщик снял тяжелые кандалы, и сродный брат Василия Третьего молча и безразлично поглядел ему вслед, когда тот вновь запирает за собой тяжелую железную дверь. Длинные седые волосы и борода спутаны, руки страшно изувечены оковами. Лежа у стены, Дмитрий Андреевич невнятно промышал что-то, непонятно к кому обращаясь. Полубезумный, он уже чувствовал скорое приближение смерти и оказался прав – спустя некоторое время Господь наконец избавил Дмитрия Андреевича от страданий, выждав время, видимо, для него, княжеского сына, дав ему возможность умереть хотя бы не закованным в позорные кандалы...

* * *

1541 год

Пятого июля из Перекопа огромное войско крымского хана Сахиб-Гирея вышло в поход на Москву. Чем дальше двигалась рать, тем более она росла – к ней по пути присоединялись отряды ногайцев, астраханцев, были ратники из Турции, Кафы, Азова. Лавина пеших и конных ратников в овчинах и мягких стеганых доспехах, гудя топотом тысяч ног и копыт, тонула в пыли. Едва ли не каждый – лучник, вооруженный, помимо прочего, саблей и пикой. Позади, возле обозов, с тяжелым скрипом катили огромные турецкие пушки.

Семен Бельский, с выбритой головой и коротко постриженной бородой, въехав на курган, щурясь, глядел на это ужасающее зрелище. Он и сам был облачен в татарский кафтан, под которым виднелась кольчуга. Что-то внутри него клокотало от счастья – наконец он смог это сделать! Благодаря Семену великая рать вышла в этот поход! Хан послушал его спустя столько времени!

С тех пор как Сахиб-Гирей выкупил его у ногайцев, Семен жил при ханском дворе как гость, и честь такая ему была благодаря турецкому султану, оказывающему Бельскому покровительство. И с первых дней Семен звал хана в поход, но Сахиб медлил. Сначала вместе с турками он участвовал в походе на Молдавию – так миновал еще год, затем пошел на черкесов, а после Семен узнал, что хан вознамерился идти на Литву. Бросившись к крымскому повелителю, Семен жаркой речью призывал хана передумать, ибо «Литва – не враг Крыму», «Москва ваш общий враг, так сразите ее вместе! Приготовь силы свои для похода в русские земли!».

Сахиб, прищурившись, разглядывал этого дерзкого москвитя, коего по указанию султана он выкупил у ногайцев, и теперь этот москвит не удосуживается даже пасть на ковер перед великим ханом. Однако Сахиб ничего ему не сказал, но Семен от своего неизменного верного слуги Булака узнал, что хан все же передумал разорять Литву. Об этом Бельский спешил сообщить Сигизмунду, мол, «я – спаситель державы твоей», «твой верный слуга» и, самое главное, Семен и его призывал начать наступление на Москву одновременно с крымской ордой. Но этот авантюрист не знал, что после заключения перемирия еще с Еленой Глинской Сигиз-

мунд не желал больше войны с москвитями, и потому отослал Бельскому кошель золотых монет «в благодарность», словно бросил собаке кость.

Конечно, Семен со временем узнал о смерти Елены и Телепнева, которых он считал главными врагами своими, знал, что брат Иван наконец вышел из темницы, что Шуйские захватили власть в Москве. Но беглый князь не желал останавливаться на том. Кажется, он и сам всецело уже верил в то, что ему по праву принадлежит Рязанское княжество, что Москва – истинный противник, коего нужно сокрушить вместе со всем этим алчным боярством.

Вскоре начался поход казанцев на муромские земли под предводительством Сафа-Гирея, племянника Сахиба. Крымский хан взирал на это со стороны, не очень надеясь на успех хана Казани. Когда стало известно, что Дмитрий Бельский отогнал казанцев в степи, Семен почувствовал, как доверие придворных к нему падает, и он уже боялся, что Сахиб передумает. И тогда он прибегнул к хитрости, пустив слух, что русское воинство выдвинулось к Казани, значит, оборонить державу некому – нет лучшего момента для наступления! И сработало – крымское войско выступило в поход...

Когда ночь медленно опускалась на степь, встали лагерь, и Бельский был приглашен в шатер хана. Сахиб-Гирей в парчовом халате сидел полулежа в подушках, тлеющие угли костра тускло освещали шатер. Два воина с копьями стояли за спиной господина. Блики огня падали на суровое, каменное лицо хана. Он жестом пригласил Бельского сесть напротив себя. Слуга тихо принес жареное мясо, сушеные фрукты и кумыс в чашках. Разговор начинался по-татарски.

– Узрел ты, что я держу слово свое? – Сахиб-Гирей говорил медленно, с хрипотцой. – Все, как было обещано.

– Вижу, великий хан. – Семен в знак почета склонил бритую голову. – Верю в нашу победу. Дни Москвы сочтены.

Сахиб-Гирей медленно поднес ко рту чашу с кумысом и шумно отпил, не сводя глаз со своего собеседника.

– Твой брат Дмитрий поставлен во главе застав москвитов! О том ведаешь?

– Ведаю, – твердо ответил Семен, хотя до этого в глубине души он надеялся, что не придется биться против родного брата.

– Пощады не будет никому, ты и это ведаешь? – Лик хана был каменным и холодным. Бельский кивнул, силясь не отвести глаз – не дай бог, хан заметит в них хоть какую долю слабости! Сахиб вдруг вынул грамоту с печатью дома Бельских и протянул ее Семену.

– Видимо, тебе везли. Мои воины перехватили гонца...

Семен, изумившись, принял бумагу из рук хана. Судя по тому, что печать была не сломана, послание еще никто не читал – хан до конца сохранял свою честь. Теперь же, не отрывая колючего взгляда черных степных глаз, он смотрел на Семена, ожидая услышать о содержимом послания.

Писал брат Иван, звал в Москву, обещая, что никакого наказания для Семена не будет, что по чести станет служить, земли получит, и все это при одном условии – он должен отговорить хана от похода.

– Что написано там? – спросил вдруг Сахиб-Гирей, откинувшись на подушки.

– Брат зовет в Москву. – Семен с притворным презрением отбросил грамоту прочь.

– Твой брат Иван хитрый человек! Он вел войско на Казань по приказу покойного великого коназа Василия, когда я правил ею. Он лишил меня казанского престола, я был вынужден оставить там племянника Сафу и бежать в Крым, где старший брат, тогдашний хан, бросил меня в темницу за трусость! Но это не было трусостью! – Лицо хана вдруг исказилось от гнева, и холодок невольно пробежал по спине Семена. – Твой брат умрет первым, когда я вступлю в Москву!

Бельский до скрипа стиснул зубы – гибели братьев он отнюдь не желал, но отступить было поздно – слишком далеко зашел!

– Да будет так, великий хан! – заявил он твердо. Сахиб снова недоверчиво взглянул на него исподлобья. Блики от огней делали его лицо страшным.

– Иди, коназ Бельский, – лениво махнул рукой хан, и Семен, откланявшись, исчез. Сахиб усмехнулся. Нет, все-таки не до конца он верит беглому князю! Как и многие беи и мурзы. Все чаще они выговаривали повелителю, что безопасные переправы через Оку, которые намерен показать Семен, могут быть ловушкой, но Сахиб был тверд в своих обещаниях. К тому же к походу все чаще призывал его турецкий султан.

Но все же где-то не до конца честен с ханом беглый князь! Видно, по глазам видно, что небезразлична Семену судьба его братьев! Да и сам Сахиб не честен с ним – грамота эта попала ему в руки задолго до того, как начался поход. Подозревал, что написанное как-то повлияет на Бельского, и он сбежит, так и не показав безопасные переправы, на которые все же надеялся хан. А сейчас обратного пути у тебя уже нет, коназ Семен!

Степь оживала. Розоватое рассветное небо стряхивало с себя темную мантию ночи, туман висел над высокой травой. Бельский, опустив голову, сидел в седле, наблюдая с кургана за снятием лагеря и выдвиганием войска. Нервно перебирал руками поводья. Ветер шевелил его бороду, в коей уже проступали седые волоски. Тяжела была мука князя, боялся он встречи с братьями, боялся заглянуть им в глаза. Нет, Семен стал чужим для них! Он отступник и предатель! И в памяти снова возникли страшные, осуждающие глаза Спасителя на той самой иконе, в ту самую ночь... Как много времени минуло! А тоска порой накатывает волной, перехватывает дыхание.

– Нет у тебя обратного пути! Нет! – процедил он сквозь стиснутые зубы, шумно и часто задышав. Семен злился на себя, на свою слабость, на усталость духа. Хотелось закричать, рвать землю руками, грызть ее. Но, заметив, что издали за ним наблюдает крымский хан, попытался успокоить себя и, отвернувшись, медленно съехал с кургана...

* * *

Едва Москва, вполощенная прошлогодним походом Казани на Россию, успокоилась, весть о походе крымской орды снова взбудоражила столицу. Весть эту все больше сравнивали с походом Едигея на Москву в прошлом веке, когда угроза была крайне высока. Но тогда Мать-Богородица Владимирская, чью икону привезли в столицу Московского княжества, оберегла и заступилась. Спасет ли теперь?

И случилось столь редкое всенародное объединение, лишь бы отстоять страшную беду. Добровольцы со своим вооружением приходили к местным воеводам, вливались в собирающиеся к выступлению полки. Даже Иван Васильевич Шуйский, подлец и смертный враг Бельских, встал с ратью во Владимире, готовясь прикрыть Коломну, в коей собирал войско главный воевода Дмитрий Бельский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.